

Уральский
федеральный
университет

имени первого Президента
России Б.Н.Ельцина

Институт
гуманитарных
наук и искусств

Э. В. ЧЕПКИНА

ПРОБЛЕМЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Учебно-методическое пособие

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

Э. В. Чепкина

ПРОБЛЕМЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Рекомендовано методическим советом УрФУ
в качестве учебно-методического пособия для студентов,
обучающихся по программе бакалавриата
по направлению подготовки 42.03.02 «Журналистика»

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2016

ББК С524.251я7
Ч441

Р е ц е н з е н т ы:

кафедра телерадиожурналистики
АНО ВО «Гуманитарный университет»
(заведующий кафедрой кандидат философских наук С. Д. Балмаева);
Н. А. Юшкова, кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского, иностранных языков и культуры речи
(Уральский государственный юридический университет)

Чепкина, Э. В.

Ч441 Проблемы толерантности в средствах массовой информации : [учеб.-метод. пособие] / Э. В. Чепкина ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. — 116 с.

ISBN 978-5-7996-1898-8

В учебном пособии излагаются основы теории толерантности и рассматриваются актуальные проблемы толерантного отношения к *другому* в профессиональной практике журналистов, в текстах средств массовой информации. Дана общая характеристика практик выражения в СМИ толерантности и интолерантности, их лингвистических маркеров. Описаны типичные практики конструирования *своих, чужих, врагов* как персонажей текстов СМИ, проанализированы основные проблемы межэтнической, межрелигиозной толерантности. Даны рекомендации по написанию и редактированию текстов, затрагивающих проблемы толерантности.

Для студентов факультетов журналистики, журналистов-практиков, а также для специалистов в области массовых коммуникаций.

ББК С524.251я7

На обложке:

Эдвард Коли Бёрн-Джонс. Вифлеемская звезда (1890)

Оглавление

Предисловие	4
1. Основы теории толерантности в СМИ	
1.1. Понятие толерантности. Толерантность в СМИ	6
1.2. Интолерантность	16
1.3. Исторические типы <i>других</i> . Отношение к <i>другим</i> в современной России	28
1.4. Практики коммуникативной толерантности	35
1.5. Политическая корректность	43
1.6. Ресурсы толерантности СМИ	49
2. Практики толерантности и интолерантности в современных российских СМИ	
2.1. Практики и функции конструирования медийного образа врага.....	60
2.2. Практики конструирования <i>чужих</i> в СМИ (на примере трудовых мигрантов)	72
2.3. Практики конструирования медийного образа <i>своих</i>	79
2.4. Проблемы межэтнической толерантности.....	88
2.5. Проблемы межрелигиозной толерантности.....	95
2.6. Проблемы толерантности к людям с особыми потребностями.....	103
Список библиографических ссылок	112
Список рекомендуемой литературы	114

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение проблем толерантности применительно к практикам средств массовой информации представляется необходимым по нескольким причинам. С одной стороны, становится все более очевидной необходимость медиаобразования. Важно научить массовую аудиторию, начиная со школьного возраста, способам противостояния манипулятивным технологиям в коммуникации, например, умению видеть приемы трансляции ксенофобии в отношении некоторых социальных групп. С другой стороны, проблема интолерантности, в отличие от осознанного выражения негативных оценок, состоит в том, что мы можем быть интолерантными в силу использования стереотипных фраз и логических ходов, даже не замечая этого.

Данная дисциплина призвана ориентировать на понимание того, как функционирует, с точки зрения принципов толерантности, система СМИ в поликультурном обществе, какие факторы воздействуют на степень толерантности различных изданий и как их использовать для формирования установок толерантного сознания у аудитории. Для будущих журналистов важно комплексное понимание актуальных проблем толерантности в современной России, овладение основами толерантного подхода к освещению сложных проблем взаимодействия отдельных социальных групп, меньшинств, с остальным обществом. Необходима выработка осознанного отношения к способам выражения позитивных и негативных оценок в адрес социальных групп, избавление от некоторых бессознательно усвоенных негативных стереотипов.

Дисциплина имеет также творческо-технологическую направленность, поэтому пособие содержит практические задания для самостоятельной работы, а также конкретные рекомендации для журналистов в работе над актуальными с точки зрения толерантности темами.

Значительная часть проблем толерантности имеет экономическую, политическую, правовую основу, то есть лежит вне закономерностей построения дискурса СМИ. Однако и роль СМИ достаточно велика: излишне драматизированные сообщения, воспроизведение в прессе негативных социальных стереотипов могут провоцировать аффективные реакции, увеличение психологической напряженности в обществе.

Внимание к практикам толерантности среди журналистов дает возможность оценить взаимную связь между обликом журналистских текстов и практиками их написания, между условиями и механизмами работы журналиста и тем, в каком виде информация доходит до адресата. Здесь видится путь более тесной связи журналистского образования и нужд практической журналистики, нужд тех, кто находится внутри журналистской профессии.

Практиками толерантности или интолерантности овладевают непосредственно в процессе коммуникации, так же, как учатся в детстве говорить на родном языке. Обычно можно транслировать их без понимания значительной части скрытых значений, как это происходит при воспроизводстве расхожих социальных мифов. Смыслы дискурсивных практик журналистики большинство адресатов осваивает практически — в ходе просмотра телепрограмм, чтения газет и т. д., без специального обучения. Аудиторией усваивается, например, расстановка акцентов при выборе номинации, обозначающей конкретного персонажа или какую-то социальную группу (мигранты: *чужаки* или *рабочие-иммигранты*; образ бизнеса: *предприниматели* или *торгаши*). Требуя критического отношения, прежде всего со стороны журналистов, воспроизведение негативных социальных характеристик кого-либо, излишняя категоричность, особенно в указании на возможные опасности для общества.

Для иллюстрации конкретных проявлений толерантности или интолерантности использованы публикации российских региональных и федеральных СМИ.

1. ОСНОВЫ ТЕОРИИ ТОЛЕРАНТНОСТИ В СМИ

1.1. Понятие толерантности. Толерантность в СМИ

Существует довольно широкий диапазон в трактовке и объяснении всего комплекса явлений, связанных с терминами «толерантность» и «интолерантность».

Определение толерантности может быть широким и узким.

В широком смысле толерантность означает различные формы терпимости к различиям, в том числе равнодушное признание прав *другого*; невмешательство, пассивное безразличие; смирение по отношению к тому, что не соответствует нормам какого-либо сообщества, покорное принятие *другого* ради сохранения мира; моральный стоицизм, признающий права *других* вне зависимости от того, что их образ жизни может вызывать неприязнь. Но толерантность, кроме терпимости, может также означать открытость *другому*, любопытство, уважение к нему, желание узнать ближе; одобрение различия.

В узком смысле толерантность — это терпимость к *другому*, когда речь идет о морально значимом отклонении от того, что индивид или общество считают должным. Важно, что у субъекта толерантного отношения есть возможность воздействовать на то, что он считает отклоняющимся от нормы различием; имея власть воздействовать на неприемлемое для него отклонение, субъект толерантного отношения эту власть не использует. Такая моральная трактовка толерантности была обоснована британским исследователем П. Николсоном [1].

Толерантность как ценность закреплена в ряде значимых международных и российских документов. Прежде всего следует назвать «Декларацию принципов толерантности», которая была утверждена в 1995 г. генеральной конференцией ЮНЕСКО (специализированное учреждение ООН по вопросам образования, науки и культуры). Документ, в частности, гласит: «Толерантность

означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений. Толерантность — это гармония в многообразии. Это не только моральный долг, но и политическая, и правовая потребность. Толерантность — это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира» [2].

В России целенаправленные усилия по воспитанию культуры толерантности были одобрены с принятием федеральной целевой программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе», утвержденной постановлением Правительства РФ от 25 августа 2001 г. [3].

Специфика российской ситуации в отношении толерантности

Необходимо учитывать, что для распространения культуры толерантности, культуры мира, в России существуют, как и во всем мире, определенные препятствия.

Общество неоднородно в культурном и психологическом отношении. Разговаривать друг с другом, понимать друг друга, несмотря на разницу между социальными группами, можно благодаря общей системе смыслов, объединенных понятием культуры. И здесь важно принять само понятие различия, допустить, что все люди разные. Понимание того, что рядом есть *другой*, и на его место можно себя поставить, и его точку зрения следует принять во внимание, помогает уменью договариваться друг с другом, искать и находить компромиссные решения, устраивающие все стороны, путем взаимных уступок.

В современной России сохраняется немало черт традиционного, патриархального общества — мира устойчивых статусов, где важен раз и навсегда закрепленный престиж конкретного социального положения, независимого от личных качеств его носителя. Если ты руководитель, то ведешь себя как руководитель. Если ты студент — ведешь себя как студент. Если ты губернатор — ведешь себя как глава региона. В таком мире жестких статусов не предусмотрена

обязанность с кем-то советоваться. Другие люди становятся интересны лишь в том отношении, сильнее они или слабее, чем мы; есть ли у них то, чего у нас нет, но хотелось бы иметь. И это мощная основа для социального сравнения и зависти. В мире устойчивых репутаций и престижа *другие* предстают в коллективном сознании именно как основа для сравнения. Социолог Б. Дубин писал, что согласно опросам две трети российских респондентов считают, что они зарабатывают меньше, чем заслуживают и чем получают другие, выполняющие ту же работу. Статистически это невозможно, но самоощущение большинства, что оно получает меньше, чем заслуживает, успешно сохраняется [4].

Фридрих Ницше писал о понятии «ресентимент». Это сознание собственного бессилия, невозможности владеть тем, что хочешь и чего заслуживаешь [5]. Ресентимент провоцирует представление о *другом* как о незаслуженном владельце того, чего у меня нет. Это рождает недоверие и озлобленность, страх неудачи и потери, потому что *другие* желают нам плохого. Недоверие — это способ снижения образа *другого*, приводящий к созданию образа врага.

Выход из такой ситуации — в признании того, что существуют *другие*, которые не хуже и не лучше нас, в признании различий как основы социальной жизни. Это означает признание для всех равных прав на самореализацию и самовыражение, разумеется, в пределах правового поля, при соблюдении норм законодательства. Признание различий также означает невмешательство в то, что выглядит неприятным и чуждым; отказ от давления большинства на индивида или небольшие социальные группы. Это отказ от претензии на владение абсолютной истиной, когда человек допускает, что он может ошибаться, а кто-то другой может быть прав.

Толерантность может быть свойственна конкретному человеку (и это проявляется в его поведении), обществу (тогда она отражается в культурных нормах, морали, общественном сознании), государству (тогда она реализуется на уровне законодательных норм и политической практики).

Внутренний парадокс толерантности

Теория толерантности парадоксальна: мы именно с моральной точки зрения допускаем существование

того, что кажется нам морально ошибочным. Это важный принцип понимания сферы толерантного. Толерантность — это нечто большее, чем просто отказ от насилия. Это, например, отказ от желания подавить или уничтожить иное верование, иной образ жизни при сохранении тех своих представлений, которые породили такое желание.

Можно говорить о толерантности в собственном смысле этого слова тогда, когда требуется терпимость к тому, к чему трудно относиться терпимо, что кажется абсолютно неверным. Иначе пропадает предмет толерантности — можно говорить о безразличии, о принятии различия или даже об отношении уважения и любви к *другому*. Так, похвалы узбекской кухне сами по себе еще не говорят об этнической толерантности того, кто любит плов или лагман. Неважные различия, которые легко принимаются, — особенности этнической кухни, фольклорные песни и танцы, этнические костюмы, — нередко обсуждаются в положительном ключе в СМИ. Иногда эти практики иронически называют «кухонной толерантностью».

Для подлинной толерантности важно, что у субъекта толерантного отношения есть возможность как-то воздействовать на то, что он считает отклоняющимся от нормы различием. Если же человек бессилён повлиять на *другого*, то невозможно судить, толерантно его отношение к различию в данном случае или он вынужденно бездействует.

Итак, существенно, что когда речь идет о толерантности, то субъект толерантного отношения, имея власть воздействовать на морально неприемлемое для него отклонение, эту власть не использует. А если использует, то мы видим разные формы интолерантности: гонения, преследования, дискриминацию и т. д.

Границы толерантности

Утверждение принципов толерантности не безгранично: все концепции толерантности утверждают и существование того, что не может быть терпимо.

Существуют правовые и моральные границы: толерантность невозможна в случае нарушения правовых норм, все совершившие преступления или правонарушения обязаны

нести ответственность в соответствии с нормами действующего законодательства. Проявление толерантности не означает терпимого отношения к социальной несправедливости, отказа от своих убеждений или уступки чужим нормам, подчеркивает Декларация принципов толерантности ЮНЕСКО.

Широко обсуждаются прагматические границы толерантности. Сложность понятия толерантности приводит к тому, что иногда ее объявляют невозможной в полной мере и одновременно необходимой. Однако можно непротиворечиво говорить о практиках толерантности, которые основаны, например, на прагматическом «равновесии интересов» по утилитарным соображениям. Так, в «Послании о веротерпимости» [6] Дж. Локк говорит о необходимости толерантности, потому что преследовать инаковерующих нерационально: это не может привести их к истинной вере. К тому же никто не может твердо знать, истинна ли его религия, он может только верить в ее истинность. Толерантность к различиям в рамках таких взглядов является, в теории Локка, необходимым меньшим злом. Границы толерантности чаще всего понимаются прагматически в практике достижения политических компромиссов.

Правда, есть и прагматическое оправдание интолерантности: если гонения на *других* эффективны, в глазах прагматиков толерантность теряет смысл. И здесь появляется аргумент от противного в пользу толерантности: терпимость по отношению к *другим* часто появляется, только когда очевидна невозможность их подавить. Так, некоторые социальные меньшинства со временем приобрели экономическое и политическое влияние, которого у них не было. Например, добились этнокультурной автономии в границах некоторого государства или права женщин на участие в выборах и на высшее образование. Исторически список тех, за кем признается право на толерантное к ним отношение, расширялся, как правило, только в ходе политической борьбы.

В прагматическом смысле именно толерантность противопоставляется политическому насилию, ведь силой нельзя заставить сменить убеждения, а насилие приводит лишь к большей сплоченности его жертв. Эти аргументы Дж. Локк дополнил еще одним важным принципом: нельзя признавать право на терпимость за нетерпимыми [7].

Не прагматическая польза толерантности, а разработка понятия толерантности как самодостаточной ценности и блага заявлена в эссе Джона Стюарта Милля «О свободе» [8]. Здесь толерантность рассматривается как часть свободы индивида не только от вмешательства государства в его частную жизнь, но и от давления на него со стороны общественного мнения. Тирания большинства, считает Милль, ведет к установлению в обществе единообразия. А индивидуальная свобода ведет к социальному разнообразию, умножению различий, что является условием подлинного прогресса. Таким образом, толерантность способствует общественному развитию. Теория утилитаризма рассматривает как благо все, что ведет к увеличению совокупного счастья, к прогрессу как основному благу. Однако и здесь необходимы ограничения индивидуальной свободы, связанные с недопустимостью нанесения вреда другим людям, физического или морального. У этого подхода есть свои сложности и ограничения. Так, свободный выбор не всегда является выбором морально лучшего. Еще одна трудность состоит в том, что моральный идеал не может быть одним и тем же для всех членов общества, как не совпадают и представления о том, что считать вредным, а что — допустимым.

Но как тогда вообще возможна консолидация в современном обществе различий? Один из главных ответов лежит в правовой плоскости. Например, для приехавших принятие гражданства означает согласие на соблюдение законов государства. Равенство перед законом заменяет моральную консолидацию всего общества, делает возможным множество моральных консенсусов в границах соблюдения правовых норм, основополагающих прав человека, гарантированных конституцией.

Виды толерантности

Существуют разные аспекты проявления толерантности. Во-первых, толерантность можно рассматривать в ментальном плане, тогда речь пойдет о понятии, включенном в сознание всех носителей определенного языка или какой-то их части. Во-вторых, толерантность может проявлять себя как психологическая установка, формирующая отношение человека к окружающим и влияющая на его поступки. В-третьих, выделяют деятельностный, поведенческий

аспект толерантности. В-четвертых — коммуникативный. Все эти аспекты можно рассматривать применительно к разным сферам социальной жизни, тогда речь пойдет о политической, правовой, этнической и другой толерантности.

Специфика толерантности в СМИ

В СМИ толерантность, прежде всего, проявляется не как психологическая установка и не как принцип действия, а как набор дискурсивных практик — способов говорить о различных событиях и персонажах, то есть толерантность в сфере коммуникации.

Толерантное или интолерантное отношение к кому-либо — это смысл, который в текстах СМИ может быть выражен разными языковыми средствами и разными способами построения и оформления текста. Некоторые языковые средства можно рассматривать как устойчивые маркеры толерантных либо интолерантных смыслов. Прежде всего, это средства выражения оценки. Также есть множество текстов, где только их общий смысл, но не отдельные слова позволяют судить о толерантности позиции автора или СМИ в целом.

На степень толерантности журналистских текстов влияют разные факторы: личная позиция автора, редакционная политика и позиция учредителей органа СМИ, политика государства, закреплённая в соответствующих законодательных актах. Содержание текстов СМИ не даёт возможности уверенно судить о том, каков образ мыслей тех, кто создаёт тексты, а также о том, как именно эти тексты воздействуют на адресатов.

Методика анализа толерантности в текстах СМИ

Анализ предполагает разделение этой категории на две парные подкатегории: «толерантность» (терпимость к различиям) и «интолерантность» (нетерпимое отношение к *другому*). Тогда общая категория обозначается как «ин/толерантность».

Для анализа конкретного текста необходимо выявить субъект, объект, предмет и маркеры ин/толерантного отношения.

Субъект ин/толерантной речи, ин/толерантного отношения — тот, кому принадлежит толерантное или интолерантное высказывание, кто «терпит различие»; в медиадискурсе

субъектами ин/толерантной речи оказываются, прежде всего, журналисты, но также и все те, чьи высказывания попадают в СМИ, — люди, у которых берут интервью, те, кто выступает с заявлениями для прессы, авторы писем в газеты и т. д.

Объект, на который направлено ин/толерантное отношение — тот, «кого терпят», носитель значимого различия. В этой роли может оказаться любой персонаж СМИ (третьи лица, о которых сообщается в медиатекстах), адресат некоторых высказываний, например, в диалогических текстах или в случае прямого обращения к кому-либо внутри журналистского текста.

Предмет ин/толерантности — свойство или признак объекта, которые маркируют значимое с точки зрения ин/толерантности различие. Это важный элемент анализа, так как для тех, кто сталкивается со значимым для них различием, типично целостное негативное отношение к носителю различия, как бы склеивание атрибутов «чужой» и «плохой» (например, стереотип *цыганка значит мошенница* — с этнической принадлежностью «склеивает» признак нарушения правовых норм, а это логически и морально ошибочно). Уточнение оснований интолерантности часто позволяет увидеть истоки конфликтного отношения к *другому* в неожиданном ракурсе.

Языковыми маркерами толерантного отношения служат слова, несущие положительную оценку объекта и предмета толерантности, и нейтральные, то есть безоценочные способы их описания. Толерантность может быть определена по принципу от обратного: по отсутствию маркеров интолерантного отношения, при условии, что интолерантных смыслов нет и в подтексте сообщения.

Чтобы дать общую оценку степени толерантности или интолерантности текста, необходим анализ характеристик персонажей (конкретных людей, различных сообществ, социальных групп, о которых идет речь в тексте), а также того, какие слова выбраны для именованья персонажа. Нередко интолерантное отношение к персонажу уводится в подтекст, тогда важно проследить, как описывается поведение персонажа, его поступки, какова приписанная персонажу сюжетная роль (жертва, виновник зла, ответственный за решение проблемы, спаситель). Маркеры интолерантности мы подробно рассмотрим в параграфе 1.2.

РЕКОМЕНДАЦИИ ЖУРНАЛИСТАМ

Для поддержания идей толерантности важны не столько разъясняющие публикации с призывами к терпимости по отношению к социальным меньшинствам, разного рода *другим*, сколько внутренняя установка журналиста на то, чтобы принимать во внимание разные точки зрения, непредвзято излагать их; важно демонстрировать практики активной толерантности к разным группам *других*, а также умение поставить себя на место *другого*, увидеть ту или иную проблему его глазами.

Высокая задача социально ответственного журналиста — сделать *других* видимыми в обществе, например, рассказывать о жизни и проблемах людей с особыми потребностями, чтобы аудитория СМИ лучше представляла себе, почему важно устанавливать пандусы для инвалидных колясок в общественных местах, в том числе в ресторанах и кинотеатрах, каковы особенности детей с аутизмом и многое другое.

Необходимо прилагать усилия для поддержания в массмедиа диалога между разными социальными силами. Пока же разговор в СМИ о ценностях и интересах различных социальных групп, в том числе разного рода меньшинств как самостоятельных субъектов, складывается с большим трудом. Многообразие мнений, реально существующих в обществе, не только не отражается во многих СМИ, но наоборот: их стремятся заменить одной, будто бы единственно правильной точкой зрения. Хотя на многие сложные общественные вопросы нет единственного ответа или решения именно в силу их сложности.

Актуальной задачей для журналистов видится и поддержка коммуникативного взаимодействия разных социальных групп в пространстве массмедиа: поддержка *других* в межэтнических и межрелигиозных контактах или, например, предоставление слова работодателям и наемным работникам, чьи интересы на рынке труда противоположны.

ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАДАНИЯ

1. Выделите в тексте субъект, объект, предмет интолерантного отношения. Найдите и охарактеризуйте маркеры интолерантного

отношения. Сформулируйте, в чем состоит информационный повод. Соответствует ли тревожная эмоциональная окраска заголовка и подзаголовка информационному поводу?

Десятки таджиков взяли в осаду Генконсульство в Екатеринбурге

Жильцы девятиэтажки в панике.

Днем 2 марта 2015 года здание Генконсульства Республики Таджикистан в Екатеринбурге окружили десятки мигрантов. Внутрь пускают только женщин и детей. Дипмиссия находится в девятиэтажном доме, поэтому такое количество таджиков переполошило жильцов.

Как сообщил нашему агентству начальник пресс-службы ГУ МВД РФ по Свердловской области Валерий Горелых, ничего криминального не происходит. «Сегодня консул ведет прием граждан. Поскольку желающих оказалось слишком много, он попросил ожидать мигрантов своей очереди на улице», — пояснил В. Горелых.

2. Выделите в тексте субъект, объект, предмет интолерантного отношения. На каком основании подсудимый назван рокером? Может ли такая публикация негативно повлиять на представление о социальной группе рокеров в восприятии аудитории?

ИЗ ЗАЛА СУДА

Североуральский рокер с приговором не согласен

29 июня в городском суде Андрею Лукьянову, обвиняемому в разбойном нападении и хранении и сбыте наркотиков, было предоставлено последнее слово. В зал суда ввели высокого худощавого парня лет тридцати в черной футболке с красной надписью на спине «Уральский рок». Подсудимый держался на удивление спокойно — судимость не первая. Раскаяния в речи и голосе наркоторговца участники процесса не услышали. Напротив, Лукьянов высказал свое недовольство тем, что прокурор запросил отбывание наказания в колонии общего режима, а для него, уже прошедшего сквозь тернии строгого режима, это не только «не в масть», но и сулит дополнительные сложности — на «строгом» порядка больше. С приговором молодой человек не согласился, следовательно, надо ожидать, что будет составлена кассационная жалоба и судьбу рокера будет решать областной суд.

1.2. Интолерантность

Инт о л е р а н т н о с т ь — различные формы неприятия *других*.

Интолерантные высказывания указывают на взаимоисключающие позиции субъектов, на противоречия, которые осознаются индивидами или группами.

Интолерантность часто основана на представлениях, что *свое*, наше — это нормальное, естественное, эталонное. Следствие этого — представление, что люди с другим образом жизни и мыслей, другой внешностью — «ненормальны», и это рождает призывы к насильственным действиям против *других*, одобрение дискриминационных мер по отношению к ним. В более мягких формах интолерантность проявляется в тиражировании негативных стереотипов массового сознания о разного рода *других* — этнических, религиозных, гендерных группах и др. Часто такие стереотипы усваиваются в раннем возрасте и потом не подвергаются переосмыслению.

Любое различие в обществе потенциально несет в себе противоречие, но лишь некоторые противоречия рождают интолерантность. Иногда интолерантность возникает мгновенно, неожиданно, иногда противоречия долго накапливаются, прежде чем станут явными. Чаще всего речь идет о различии интересов, целей и ценностей социальных групп и индивидов, и тогда в их взаимодействиях возникают намерения, готовность и фактические действия, направленные на улучшение своей позиции за счет ухудшения положения соперничающей стороны.

Таким образом, проявления толерантности и интолерантности выступают как неотъемлемая характеристика социальной жизни и не могут рассматриваться вне исторического и социального контекста. Например, споры сторонников традиционной и рациональной морали в нашем обществе связаны с тем, что ценности индустриального общества, исторически возникшего позже традиционного, до сих пор разделяются не всеми, в итоге рациональное поведение, проявляющееся, например, в стремлении планировать время вступления в брак и рождения детей, сталкивается с религиозной установкой доверить ход своей жизни воле Бога; а семья, где муж и жена одинаково много работают и строят карьеру, негативно оценивается в перспективе традиционной роли женщины как жены и матери. Ориентация на взаимоисключающие системы ценностей

делает невозможным единство общества по многим социальным проблемам.

Важнейшие факторы, влияющие на возрастание степени интолерантности в обществе, — экономическая и социальная нестабильность, ограниченность социальных ресурсов, развитие инноваций в разных сферах. В последние десятилетия рост социальной напряженности связан, например, с интенсивностью миграционных потоков во всем мире, в том числе в России, с быстрыми изменениями образа жизни в связи с развитием новых технологий. Люди и мир меняются, меняются ценности общества, и разные социальные группы с разной скоростью включаются в процесс перемен. Критически важной в связи с этим становится организация процессов коммуникации между разными социальными группами, обеспечиваемая и средствами массовой информации.

«Предметный ресурс» интолерантности

Проблему, подлежащую разрешению (дефицит социальных благ, желание культурной однородности, исключение конкуренции со стороны *других* и т. д.), называют «предметный ресурс» интолерантности.

В соответствии с развитием общества, переходом к постиндустриальной эпохе меняется и система критериев, определяющих социальные позиции субъектов интолерантности. В отличие от традиционных критериев размера вещественного, материального богатства, в настоящее время все большее значение приобретают критерии образования, компетентности, профессиональной квалификации. Престижный социальный статус зависит от сочетания ресурсов или капиталов. В разных сочетаниях могут взаимодействовать экономический, культурный, социальный капитал. Экономический капитал — совокупность средств производства, движимого и недвижимого имущества, унаследованного или приобретенного. Культурный капитал — совокупность знаний и навыков, выступающая в двух особых формах — образовательной и переданной семьей. Социальный капитал — совокупность социальных связей индивидов, зависящая от социального происхождения.

«Предметный ресурс» интолерантности обычно связан с борьбой за обладание разными видами капитала, и борьба обостряется

при возникновении социальных проблем. Например, когда социальным группам, испытывающим трудности с признанием их статуса, кажутся несправедливыми правила и практики распределения или перераспределения уже присвоенных, полученных ресурсов. Таковы споры о платном или бесплатном образовании, о правилах получения социального жилья, мест в детских садах и в престижных школах и т. д.

Интолерантность часто возникает в результате столкновения социальных ролей, выполняемых индивидами и группами. Во-первых, в социальных отношениях объективно существуют роли, не только различающиеся, но и противоположные с точки зрения целей и способов поведения субъектов. Таковы, например, противоречия между теми, кто обеспечивает правопорядок на улицах города, и теми, кто хотел бы обойти правила ради собственных интересов. Если кому-то хочется продолжить шумную вечеринку после полуночи, появление полиции не встречает с их стороны толерантного отношения, и наоборот.

Во-вторых, выполняемые социальные роли часто индивидуально интерпретируются и рожают индивидуальные ожидания у взаимодействующих сторон. Тогда интолерантность возникает из-за несоответствия взаимных ролевых ожиданий субъектов. Так, многие жители какой-либо территории, живущие здесь на протяжении нескольких поколений, считают, что те, кто недавно приехал, должны держаться скромно, как гости, и принимать правила «хозяев». А семьи, приехавшие с целью обосноваться надолго, найти работу и возможности образования для детей, не считают, что они должны ради этого пожертвовать своими культурными привычками. Будучи гражданами той же страны, просто сменившими регион проживания, они ожидают получения равных прав с местными жителями. Такие конфликты типичны для всего мира при столкновении, например, культурных норм большого города с нормами жизни в сельских регионах.

В современном мире одним из значительных факторов рождения интолерантности становится инновационная деятельность. Появление новых идей и технологий зачастую ведет к обесцениванию труда одних групп, влечет за собой максимизацию усилий других групп. Бурный рост сферы обслуживания, повышая качество жизни населения, одновременно рождает недовольство людей, занятых

в сфере материального производства, — социальный престиж их занятий падает. Многие современные профессии делают формально ненужным присутствие в офисе: дизайнер, копирайтер, научный консультант могут работать из любой точки доступа к интернету. Однако работодатели часто хотят лично контролировать своих сотрудников, требуя их присутствия на выделенном рабочем месте в течение восьми часов пять дней в неделю. В таких условиях возникает конфликт между личностями, стремящимися к полному раскрытию своего потенциала и свободному распределению собственного времени, и теми, кто препятствует этому. Конфликты по поводу инноваций могут возникать как между отдельными индивидами, так и между коллективами, социальными группами. Так, образ жизни и способ заработка фрилансеров и дауншифтеров до сих пор вызывают неоднозначное отношение в российском обществе, где большая часть населения сохраняет приверженность традиционному (преимущественно сельскому) образу жизни или жизни в стиле эпохи индустриализации с большими градообразующими предприятиями, подчиняющими своему ритму ежедневную деятельность всех жителей так называемых моногородов.

Гендерные и межвозрастные, межэтнические и межрелигиозные различия также являются существенными факторами, порождающими конфликты и интолерантные взаимодействия. Так, люди, называющие себя чайлдфри (childfree), сознательно отказывающиеся от того, чтобы иметь детей, встречают в России активное противодействие со стороны так называемых пролайферов (сторонники запрета абортов и контрацепции). Позиция, касающаяся, казалось бы, сферы сугубо частной жизни, вызывает ожесточенные споры в СМИ и социальных сетях.

Налаживание коммуникаций между разными социальными группами

Налаживание коммуникаций — важное средство профилактики интолерантности. Недостаточно эффективная работа СМИ и других информационных систем может выступать причиной возникновения интолерантных отношений, вплоть до социального конфликта. Отсутствие коммуникации, диалога особенно пагубно сказывается на предконфликтной стадии, когда недостаточность

информации и отсутствие контактных встреч между конфликтующими сторонами могут привести к росту интолерантности и эскалации конфликта. Чем раньше о назревающем конфликте заговорят СМИ, чем раньше будет дано слово сторонам, проявляющим интолерантность друг к другу, тем быстрее отыщутся аргументы, которые можно обсудить, чтобы найти основу для компромисса, устраивающего разные стороны. Так, вопрос о приобщении школьников к основам религии после долгих публичных обсуждений нашел приемлемое решение. В России как многоконфессиональной стране в школьную программу ввели комплексный курс «Основы религиозных культур и светской этики», где предусмотрено изучение по выбору основ православной, исламской, буддийской, иудейской культур, а также основ мировых религиозных культур или основ светской этики. Таким образом, в итоге учли интересы и разных групп верующих, и атеистов, которым бывает довольно сложно договориться друг с другом, но государство гарантирует всем им свободу совести согласно Конституции.

Формы интолерантности

Интолерантность может проявляться в жестких и мягких формах. К жестким формам относят открытые насильственные действия: нападения, убийства, изоляция, депортация. Такие действия бывают и стихийными, и одобренными на государственном уровне. Так, в СССР в 30-е и 40-е гг. XX в. по приказу Сталина были депортированы из мест своего проживания представители многих этнических групп и народов, имевших свои автономные республики в составе Советского Союза. Впоследствии эта практика была осуждена и признана преступной в ряде законодательных документов. Так, в 1989 г. Верховный Совет СССР осудил и признал незаконной депортацию крымских татар и других народов. В 1991 г. Верховный Совет РСФСР принял Закон «О реабилитации репрессированных народов», согласно которому незаконно репрессированными в годы СССР признавались многие нации, народности или этнические группы и иные исторически сложившиеся культурно-этнические общности людей, например, казачество.

К жестким формам интолерантности относятся и призывы к насильственным действиям, одобрение насилия или дискриминации,

разжигание межэтнической, межрелигиозной и других видов социальной розни. Такие действия в России предполагают ответственность согласно Федеральному закону от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и другим законодательным актам против экстремизма.

Более мягкое проявление интолерантности (но от этого не менее нежелательное) — распространение негативных стереотипов о социальных группах, воспринимаемых как *другие*. Стереотип — это сформировавшееся в обществе обобщенное представление (убеждение) о социальном статусе, поведении какой-либо группы или большинства ее членов; социальные ожидания относительно поведения, которое рассматривают как типичное для этой группы. Такие социопсихологические установки неизбежно появляются и сохраняются надолго, но их можно сознательно менять.

Типичные стереотипные утверждения: *все богатые — воры; все бедные — лентяи; все цыгане — мошенники*. Их довольно часто можно встретить в прямой или завуалированной форме в российских СМИ, особенно в прессе, ориентированной на максимально широкую аудиторию. Противоположные, более корректные суждения строятся по формуле «некоторые, но не все»: *Некоторые, но не все богатые люди нажили свое состояние нечестным путем; некоторые, но не все малообеспеченные люди не приложили достаточных усилий для того, чтобы изменить свою ситуацию к лучшему, — не захотели учиться или переезжать в другой город; некоторые, но не все представители ромского этноса совершали противоправные действия*.

Беда журналистов, желающих лишь нравиться своей аудитории, в том, что они выдают мнения, которые давно известны, за полноценную информацию. На самом деле это коммуникация без коммуникации, когда аудитории услужливо возвращают ее собственные стереотипы.

Рассмотрим подробнее, как выглядят сигналы интолерантного отношения в текстах средств массовой информации.

Языковые маркеры интолерантности

К языковым маркерам интолерантности относятся:

1. Призывы к насильственным действиям, дискриминации кого-либо; одобрение насилия и дискриминации. Публичный характер

таких высказываний, как мы уже говорили, влечет ответственность перед законом. Формальным показателем призыва, кроме негативного смысла, является грамматическая форма призыва — использование, например, глаголов в форме повелительного наклонения (*Убирайтесь в Мордор!*) или других конструкций со значением побуждения (*Вон из Страны Чудес! Чемодан, вокзал, Марс!*).

2. Слова и выражения, обозначающие социально осуждаемую деятельность, указывающие на конкретные случаи нарушения правовых и этических норм: *мошенник, жулик, проститутка, воровать*. Употребление таких слов этически оправдано, когда такие номинации опираются на проверенные факты. Но нередко встречается метафорическое употребление подобных слов для передачи эмоционально окрашенной негативной оценки. Вот пример из предвыборной публикации: *Политическая проституция сменила пол. Долгое время политическая проституция была чисто мужским занятием. От политической проститутки Троцкого до современных — всех партийных мастей. Сейчас... политическая проституция, как и обычная, где у женщин явное преимущество, становится уделом слабого пола. Появился тип женщины — политических содержанок, которые готовы «лечь» под любую партию*.

3. Слова обозначающие социально осуждаемую деятельность, указывающие на нарушение этических норм (но не правовых): *двурушник, предатель, ханнуть, обмануть*. Пример из российской прессы 2000-х гг.: *«Валенок» или двурушник: консультант губернатора рассекретил тайные схемы своего шефа. Губернатор, иницируя возбуждение уголовного дела о клевете в средствах массовой информации, с большим опозданием и удивлением узнал, что автором самой грязной публикации о нем в СМИ является «оборотень в пгонах», его консультант по безопасности*.

4. Названия некоторых профессий или области занятий, употребляемые в переносном значении с негативным смыслом: *палач, доярка, колхозник*. Снова иллюстрация из сферы политической журналистики: *Хорошо ли, когда государством управляет «доярка», даже компьютеризированная? Кого в новом итальянском парламенте предлагают в качестве замены привычным круглым и сытым депутатам и сенаторам? Это — молодые люди разных профессий и интересов. Среди них много женщин. В интервью одна из новоизбранных депутатов сказала: «Мы предлагаем новые,*

честные, искренние лица и незапятнанную совесть». Но где опыт, элементарный опыт в сложнейшей парламентской практике представления законопроектов? То, что при этом они не знают, как лучше украсть, хорошо, но этого мало!

5. Зоосемантические метафоры, подчеркивающие какие-либо отрицательные свойства человека, о котором идет речь: *осел, боров, корова, скотина*. Например: *Если наш президент себя ведет относительно соседей по планете как джентльмен, это не значит, что они будут джентльменами, а не скотинами безрогими, как турецкий депутат, неудачно пошутивший после поражения стамбульского баскетбольного клуба в матче с ЦСКА.*

6. Слова, содержащие экспрессивную негативную оценку поведения человека, свойств его личности без указания на конкретную деятельность: *тупица, недоучка, блондинка*. Пример: *«Возможно, к трагедии самолета Як-42, потерпевшего крушение под Ярославлем, привела банальнейшая ошибка пилотов, которую автомобилисты называют “ошибкой блондинки”: они забыли отключить стояночный тормоз», — сказал источник. Как отмечает издание, с включенным стояночным тормозом (аналогом автомобильного «ручника») самолет вполне может тронуться с места и проехать по взлетно-посадочной полосе, а вот разогнаться до взлетной скорости — уже вряд ли.*

7. Слова-эвфемизмы для обозначения нарушения правовых или этических норм: *ночная бабочка, жрица любви, альфонс*. Вот пример использования мужского имени Альфонс в эвфемистическом значении: *Альфонс или жертва заговора? Адвокаты основателя Wikileaks Джулиана Ассанжа требуют пересмотра его уголовного дела по обвинению в сексуальных домогательствах.*

8. Окаzionaliальные негативно-оценочные каламбурные образования: *прихватизаторы, коммуняки, ватники, укропы*. Такие слова и выражения являются популярным в СМИ средством передачи экспрессивной негативной оценки, они обычно тесно связаны с конкретной общественно-политической ситуацией и активно употребляются в течение недолгого времени, например, в период предвыборной кампании: *Коммуняки, они же коммунисты, они же красные — группа политиканов, исправно получающих депутатские мандаты и прочие ништяки в обмен на байки о прекрасном прошлом и светлом будущем.*

9. Метафорическое употребление имен исторических лиц, мифологических и литературных героев, олицетворяющих осуждаемые нравственные качества: *Герострат, Гитлер, Каин, обломовы, маниловы*. Употребление таких наименований типично для текстов СМИ, написанных в высокой, книжной стилистической тональности: *Сегодня некоторые обыватели пытаются пойти по стопам Герострата и стать знаменитыми благодаря уничтожению произведений искусства. В августе произошел ряд инцидентов, шокировавших общественность: в столичном «Манеже» активисты православного движения «Божья воля» устроили акцию протеста, в ходе которой разгромили несколько скульптур 1960–70-х годов, а в Петербурге неизвестные геростраты кувалдами сбили с фасада здания на Лахтинской улице барельеф с изображением Мефистофеля.*

В целом интолерантные характеристики персонажа несут все слова, передающие отрицательную оценку: *плохой, отрицательный, негативный* — это слова-наименования оценки; *ленивый, грязный, невоспитанный* — слова, в которых отрицательная оценка входит в понятийное содержание; в словах *ловкач, проныра, прохвост* отрицательная оценка передается и за счет дополнительных коннотативных смыслов, отмечаемых в толковых словарях пометами *разговорное, просторечное, неодобрительное, бранное* и т. д.

Передача интолерантных смыслов

На уровне текстового содержания имеются в виду стандартные логические ходы, приписывающие представителям «своего круга» положительные качества, соответствие норме, образцу и, соответственно, приписывание отрицательных нравственных и физических качеств *другим* — «чужим», «врагам».

1. Распространение негативных стереотипов о *других*, приписывание устойчивых негативных характеристик некоторым социальным группам: *все москвичи высокомерны, все провинциалы ограничены и не имеют вкуса* и т. д. Например: *Провинциалку в Москве выдает кошмарное белье и дешевое золото.*

2. Приписывание объекту интолерантности антиценностей, антидобродетелей (*зло, ложь, насилие, предательство, ненависть*): *Миллионы современных женщин — это машины-убийцы, которые,*

установив внутриматочные спирали, убивают в среднем по 10 своих детей каждый год.

3. Построение наивной моральной оппозиции «хорошие свои — плохие чужие»: *Испокон века практически во всех зарубежных армиях сексуальные проблемы солдат и офицеров решались с помощью военных борделей. В русской, а потом и Красной, Советской армии половой вопрос решался двумя способами. Первый состоял в беспощадной дисциплине, которая и не снилась армии противника. Второй: отсутствие секса наши заменили любовью. В то время, когда немецкие солдаты меняли армейских проституток, наши доблестные воины-освободители боролись за ласковые взгляды машинисток, телефонисток и медсестричек.*

4. Дегуманизация других:

а) уподобление животным, насекомым и т. д.: *Федеральная миграционная служба будет ловить нелегалов на живца. Движению «Местные» разрешили отлов гастарбайтеров;*

б) приписывание объекту интолерантности свойств мифологических существ, как правило, злобных или ужасных: *Однажды мы с сестрой возвращались домой. И двое ребят пристали к нам на улице... На отказ познакомиться эти наколотые зомби разразились нецензурщиной, стали требовать деньги, пытались залезть в карманы... Кое-как удалось отделаться от этих ненормальных. ...Язык не поворачивается назвать этих ребят людьми;*

в) метафорическая дьяволизация объекта интолерантного отношения: *95 % всех рок-звезд в США прошли колдовскую инициацию, прежде чем заключить контракт с лейблом. Песни им давали бесы из ада после приема LSD.*

5. Исключение объекта интолерантности из числа нормальных людей:

а) приписывание безумия, отсутствия разума: *Теперь в любой точке мира в любое время войны безумной армии фанатиков без единой конструктивной мысли в головах, с абсолютным презрением к собственной жизни и тем более к жизни других людей готовы самыми изощренными, изуверскими способами уничтожить цивилизацию;*

б) приписывание объекту симптомов болезни, признаков патологии, отступления от нормы: *Политические навыки у региональной власти стремительно деградируют; ...кому было выгодно запускать в массовое производство... бесчеловечный по сути своей*

слух о «безвременной кончине» губернатора Челябинской области? ...смаковать, эксплуатировать тему болезни — это удел физически неполноценных людей и юродивых.

6. Использование для отрицательной характеристики *других* конспирологического аргумента (конспирология, или теория заговора, это способ объяснения различных событий, от незначительных до всемирно значимых, тем, что действует тайный сговор некоторой группы людей, которые управляют видимыми процессами исходя из собственных корыстных интересов): *Первая и крупнейшая частная авиакомпания России «Трансаэро», 60 % которой принадлежат Александру Плешакову, стала банкротом. Попытки спасти компанию провалились. Это могло быть связано как с корпоративными дрызгами внутри самой компании, так и с противодействием «Аэрофлота». Есть и конспирологическая версия. Якобы «Трансаэро» пользовалась расположением главы Торгово-промышленной палаты и экс-премьера Евгения Примакова, которого связывали с матерью Плешакова, главой Межгосударственного авиационного комитета (МАК) Татьяной Анодиной, дружеские и будто бы даже романтические отношения. Со смертью Примакова эта «крыша» исчезла.*

7. Отрицательная оценка *других* с помощью иронии: *А вдруг наш лучший друг — Запад, под предлогом антитеррористической операции уже расположивший свои военные части и подразделения на наших границах, захочет перекрыть нам кислород?*

РЕКОМЕНДАЦИИ ЖУРНАЛИСТАМ

Для диагностики интолерантности важна оценка содержания текста, в котором присутствует этническая, религиозная, гендерная и другая тематика, имеющая «толерантное напряжение». Надо рассматривать содержание не только с точки зрения смыслов, которые выявляются при восприятии публикации вне актуального контекста, но и учитывать общую картину, которая создается различными СМИ относительно роли в общественной жизни тех или иных социокультурных групп. С учетом общего контекста интолерантные смыслы могут нести и нейтральные в языковом отношении слова (например, *нерусские, кришнаиты* — о совершивших преступление). Особое внимание следует уделять упоминанию

других в заголовочном комплексе и других выделенных элементах публикаций, так как эти сильные позиции текста часто прочитываются отдельно и легко запоминаются.

Важно помнить, что само по себе присутствие слов-маркеров интолерантного отношения не означает, что в содержании текста есть интолерантный смысл. Например, когда грубые характеристики кого-либо есть в речи персонажей, но позиция самого журналиста нейтральна, текст в целом можно считать толерантным. Или если журналист использует расхожие наименования осуждаемой большинством социальной группы при нейтральном или положительном отношении к ее конкретным представителям. Приведем цитату из текста о борьбе с эпидемией ВИЧ в России, в котором речь идет о женщинах, занимающихся проституцией, но интолерантное отношение к ним не выражено; наоборот, авторы положительно оценивают их заботу о здоровье: *Вопреки расхожему мнению, процент ВИЧ-инфицированных среди тружениц панели невысок. По наблюдениям работников фонда «Новая жизнь», которые собрали данные о 2000 секс-работниц из двух районов Екатеринбурга, из них всего 10 % являются носителями вируса. Дело в том, что женское здоровье у этой категории оказывается «на передовой», и дамы следят за ним лучше всех остальных. Когда сотрудники фонда выяснили, как на самом деле обстоят дела, они пришли к выводу: секс-работницы могут быть агентами анти-ВИЧ-пропаганды. Обойтись без презерватива порой предлагают клиенты, но сами «ночные бабочки» никогда на такое не пойдут. Более того, они готовы объяснить мужчинам азы половой безопасности.*

В публикациях о социальных конфликтах необходим анализ конкретно-исторических причин интолерантности, например, с помощью экспертов. Не стоит подавать противоречия между социальными группами, представителями разных культур как вечные и неизбывные.

Журналисту следует быть внимательнее к стилю публикаций, не использовать привычные социальные стереотипы и некоторые языковые штампы. Например, выражение *сиамские близнецы* корректнее заменить на *сросшиеся близнецы*, а глагол *выцыганить* на *выпросить*.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Найдите и охарактеризуйте маркеры интолерантного отношения в следующих высказываниях:

1. Политики, которые регулярно не причащаются, становятся марионетками в лапах демонов. Они не просто иностранные агенты, они завербованы адом. 2. **Волчий капкан** (*заголовок*). Отчаявшийся муж пытается вырвать жену и детей из секты иеговистов. 3. Богатый ведет себя нахально и последним никогда не поделится, а бедный человек, как правило, скромный и, если нужно, отдаст последнее. 4. Кто-то предпочитает зарабатывать на кусок хлеба честным трудом — другие ездят на шестисотых мерседесах.

1.3. Исторические типы *других*. Отношение к *другим* в современной России

Другой — в текстах СМИ персонаж, так или иначе проявляющий свою инаковость, отличие от большинства, от тех, к кому большинство относится как к *своим*.

Место *другого* в сообществе *своих*, отношение к нему в разных культурах не бывает неизменным, есть история развития представлений о роли *другого* в обществе. При этом исторически складывавшиеся образы и роли *других* в том или ином виде существуют в обществе до сих пор, в том числе транслируются в российских СМИ.

Рассмотрим коротко исторические типы отношения к *другим* в традиционном, индустриальном, постиндустриальном обществе.

Традиционное общество: *другой* как внешний враг или чужак

Речь идет о доиндустриальных обществах, основанных на родоплеменных или феодальных отношениях. Здесь главенствует традиция — передача опыта, основанная на почитании прошлого и заботе об обеспечении преемственности. Традиция является основой деления на социальные группы и распределения привилегий,

она же отдает высший авторитет государству и церкви, которые поддерживают всеобщий священный порядок. В таком обществе отдельный человек — всегда часть целого (семья, община, трудовой коллектив), и этим человеком легко жертвуют во имя общего блага. Социальный статус человека задан тоже традицией (сын гончара будет гончаром), и это главное условие его идентичности: что и как он может и должен делать. Отношения между людьми основаны на личной преданности и статусной иерархии — ожидается, что все действуют по стандартным правилам.

Чаще всего это аграрный тип общества, и такие общества (или их отдельные элементы) существуют и в современном мире.

Социальная группа *своих* связана с общей землей, для каждого члена традиционного общества важно чувство общего места. Поэтому не свой, *другой* — это тот, кто не связан кровно-родственными отношениями с группой *своих* и не разделяет общую территорию, приходит извне. Обычно такой т е р р и т о р и а л ь н о д р у г о й — чужак или внешний враг, который воспринимается как угроза стабильности и порядку.

Чужака стремятся интегрировать в сообщество *своих* либо избавиться от него. Иногда для чужаков проводят границы внутри своей территории, и они живут рядом, но отдельно от большинства: так возникли еврейские кварталы в европейских средневековых городах, немецкая слобода в Москве при Петре Первом.

Другой как внешний враг — наиболее древняя и понятная фигура. И в нынешнее время тексты о внешних врагах имеют функцию сплочения своих для противостояния внешней угрозе. Такой тип *другого* нередко обсуждается и в публикациях современных российских СМИ: *Вот, самое главное, что удалось вызвать за последние годы, это ощущение того, что Россия окружена врагами (у основной массы населения). Что Россия — это не часть современного западного мира. Что Запад чужд и враждебен России.*

Индустриальное общество: *другой* — нарушитель нормы

Начало Нового времени — условная граница между окончанием Средневековья и началом индустриальной эпохи, которое связывают с Великими географическими открытиями, изобретением книгопечатания (и благодаря этому с рождением журналистики),

развитием техники. Примерно с середины XVII в. эти процессы приводят к росту городов и промышленности.

Роль главной общественной ценности вместо традиции занимает здравый смысл, рациональность. В Англии, Нидерландах в XVII–XVIII вв. появляется парламентское правление, а монархии сохраняются только как церемониал. Век Просвещения утверждает рациональность как базовую ценность, и она становится главным принципом организации индивидуальной и коллективной жизни на несколько столетий. Высшие приоритеты теперь — норма, стандарт, порядок, дисциплина. И приоритет нормы означает, что устранение различий — благо.

Круг *своих* в индустриальном обществе расширяется за счет всех, кто соблюдает общепринятые нормы, признан *нормальным* независимо от места проживания. Зато кроме *внешнего другого* появляется *внутренний другой* — нарушитель правовой, моральной, физической, психической нормы: преступник, извращенец, пациент, безумец. Считается, что *другой* нерационален, неразумен, поэтому требует контроля: его лечат, воспитывают, исправляют, за ним следят, изолируют его от *нормальных*. Для этого появляются тюрьмы, больницы, интернаты и другие закрытые заведения. Существует и символическая изоляция: сделать *другого* невидимым для остальных. Так, в СССР считалось правильным не брать в семью ребенка, родившегося с заметными отличиями от нормы, врачи предлагали сразу отдать его в специальный интернат. Или были такие социальные группы, о которых никогда не писали в СМИ, как если бы такие люди не существовали (проститутки, нищие, политические заключенные и др.).

Российские СМИ сегодня тоже пишут о внутренних *других*. Иногда с негативной оценкой, как например, в тексте районной газеты, где нормальным большинством автор признает лишь тех, кто занят в сфере материального производства: *Вся страна превратилась в один гигантский уездный город N, большинство граждан которого занимаются одним-единственным делом: куплей-продажей. Причем, количество продавцов давно превысило количество покупателей. ...Это пока у россиян еще есть кое-какие деньги, обслуживать есть кого обслуживать, но без материального производства все быстренько накроется крышкой. <...> Все вышеизложенное отнюдь не означает, что коммерческая деятельность должна быть предана*

анафеме. Другое дело, что в силу непонятной (или напротив — совершенно понятной) государственной политики это дело, как болото, засасывает людей, еще недавно создававших материальные, интеллектуальные и духовные ценности. Скоро останутся одни бизнесмены и бизнесвумены.

Но есть и немало текстов, в которых журналисты стремятся вызвать сочувствие и уважение к *другим* рядом с нами. Приведем цитату из текста о детях с особенностями развития: ***В Петербурге открыли первый в России региональный центр для детей с аутизмом*** (заголовок). *На Васильевском острове открыли региональный центр для детей с расстройством аутистического спектра. По словам губернатора Георгия Полтавченко, это первый центр такого рода в стране. В центре будут учиться 79 детей: на первом этаже — дошкольники, на втором — ученики с 1 по 6 класс. В планах построить еще два этажа, где будут заниматься старшеклассники.*

Постиндустриальное (информационное) общество: каждый из нас — *другой*

Начиная со второй половины XX в. можно говорить о массовом распространении высококвалифицированного творческого, интеллектуального труда; резко возрастает объем и значение научного знания и информации; наблюдается бурное развитие средств коммуникации. Это приводит к изменениям социальной структуры общества, возникают новые профессии и социальные группы: консультанты, эксперты, креативные специалисты в сфере маркетинга и рекламы и др. У каждого человека расширяется пространство жизненного выбора в плане смены профессии, социального статуса, стиля жизни, способов самовыражения. В такой ситуации каждый из нас — *другой*, в том числе по отношению к самому себе вчерашнему. Все социальные взаимодействия оказываются взаимодействиями с *другими*, и каждый из нас — член многих сообществ. Становится типичной текучая, изменчивая идентичность, когда человек выбирает работу, место для жительства, тип семейных отношений по принципу «пока, а там посмотрим».

В постиндустриальном обществе *другой* становится вездесущим и одновременно в качестве описания общей установки по отношению к *другому* называют «общественное невнимание». Это

связано с тем, что сегодня можно найти слишком много различий между людьми (раса, этнос, религия, моральные принципы и др.). Количество отличий уже не позволяет никому точно знать, когда он встречает себе подобного, а когда *другого*. Жителям мегаполисов часто кажется, что они живут среди чужаков, для которых сами являются чужаками. В постиндустриальном обществе *другие* чаще воспринимаются не как враждебные *своим*, а как сопричастные нашей жизни, но отличные от *своих*, как «иные».

Ситуация умножения различий способствует более интенсивным и быстрым социально-культурным изменениям, потому что *другой* всегда воплощает те возможности общества, которые не может осуществить большинство или которым социум не уделяет достаточного внимания, так как они не сочетаются с популярными ценностями. Образ жизни *другого*, чужого в пространстве безопасного, правового поля необходим для дальнейшей эволюции общества. Немецкий социолог Р. Штихве подчеркивал, что само общество формирует такого чужого, какой необходим ему для проведения инноваций [9]. Так, развитие многих сфер индустрии России во многом опиралось на заимствование иностранных образцов, и это давало толчок собственным разработкам. Или, например, возвращение в российскую экономику рыночных принципов в начале 90-х гг. XX в. привело к активному заимствованию «чужих» для советского человека образцов предпринимательской деятельности, «буржуазного» образа жизни — за короткий срок появились и отечественная реклама, и собственная индустрия моды, и отечественный шоу-бизнес.

Ситуация, связанная с отношением к *другим* в современной России, сложна тем, что в обществе одновременно присутствуют черты традиционного, индустриального, постиндустриального уклада жизни. Это проявляется и в публикациях СМИ. Применительно к России 2010-х гг. социолог Б. Дубин отмечал, что область «общего» задается и принимается абсолютным большинством как предельное по масштабам национально-державное «мы», противопоставленное столь же предельному «они» (любые чужаки — этнические, расовые, политические, цивилизационные). Важнейшим символом является граница, отделяющая «нас» от «них», воспринимаемых в качестве чужих или даже врагов, внешних и внутренних. Сильны настроения ксенофобии и изоляционизма, в том числе из-за

краха надежд начала 90-х гг. на немедленное вхождение в «большой мир», на быстрый экономический рост и уровень благосостояния, сравнимые с европейскими и американскими стандартами [10]. Неравномерное развитие российских регионов, существование нескольких городов-миллионников с преобладанием постиндустриальных профессий и типов социальных взаимодействий рядом со множеством моногородов индустриального типа и преимущественно аграрными районами — все это создает условия для роста напряженности в обществе и попыток объяснить социальные проблемы злокозненными действиями различных *других*, якобы изначально враждебных большинству обычных, среднестатистических россиян.

РЕКОМЕНДАЦИИ ЖУРНАЛИСТАМ

Для публикаций в СМИ недостаточно социологического, сугубо научного анализа, подтверждающего плодотворность взаимодействий с *другими* в современном российском обществе. Существует множество устойчивых бытовых стереотипов, связанных с неприязнью или завистью к *другим*. Журналисты сами часто транслируют бытовую ксенофобию. По-прежнему популярен образ внутреннего или внешнего врага как виновника острых социальных проблем. Уход от практик конструирования все новых врагов, обвинений в адрес *других* ради снятия ответственности с большинства граждан за неблагополучие в разных сферах жизни — актуальная задача для российской журналистики.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

О каком типе *другого* идет речь в данном тексте? Как автор иллюстрирует то, что каждый из нас сегодня обладает множеством статусов, и это исключает простое деление человек/нечеловек? К кому толерантна, а к кому интолерантна автор текста?

Наркоман и человек

Дело Егора Бычкова — незадачливого борца с наркотиками из Нижнего Тагила и его единомышленников, недавно осужденных по статьям «похищение человека» и «незаконное лишение

свободы», — продолжает будоражить общественность. В данном случае минимальный набор фактов, установленный судом, не отрицают ни сами подсудимые, ни их соратники на свободе, ни их многочисленные защитники. В фонде «Город без наркотиков» практикуют как минимум следующее: насильственный увоз совершеннолетних людей по просьбе их родственников, насильственное удержание, многодневное содержание в наручниках — без права даже сходить в туалет — на хлебе и воде. И никакой медицинской не то что помощи, а даже просто наблюдения в процессе. Аргументация допустимости подобного обращения с «пациентами» логически противоречива.

Во-первых, подобная жесткая методика «снятия с иглы» эффективнее любой официально разрешенной, утверждают наркоборцы. Во-вторых, наркоман невероятно общественно опасен: ради того чтобы получить дозу, такой кого угодно убьет и ограбит, а также подсадит на шприц. И, в-третьих — ну, вы представляете себе, в каком аду живут родственники наркомана? Вам не стыдно возражать против того, чтобы любой ценой извлечь их... А вы хотели бы, чтобы с вашим близким... А вы бы на их месте... Далее по кругу.

Тут хорошо бы выбрать что-нибудь одно. Предположим, у вас действительно есть эффективная — и дешевая, что немаловажно! — чудо-методика лечения зависимости. Тогда совершенно непонятно, какого дьявола вы кому-то навязываете ее силой, вместо того чтобы озолотиться на ней или просто для начала бескорыстно благодетельствовать всех желающих. Человек, страдающий аддикцией, не пребывает в невменяемом состоянии 24 часа в сутки 365 дней в году. Почему не подписать с вменяемым человеком в трезвой памяти контракт. И чем бы помешало процедуре исцеления присутствие наблюдающего врача — тоже не возьму в толк. Если же вас волнуют именно нежелающие лечиться, потому что в первую очередь вы спасаете родственников от присутствия в доме крайне неудобного жильца, картина становится совсем непривлекательной. Вы лишаете его свободы в интересах третьих лиц, потому что их вам жальче.

Если же вы боретесь с общественной опасностью — так и скажите. Что вам безразличны и судьба подвергнутого пыткам человека, и как его любящие родственники дальше будут жить с тем, на что его обрекли. Вы просто хотите любой ценой «убрать с улиц» опасный элемент. Чтобы никто никого не убивал за дозу. За буханку, за бутылку, за обгон машины с мигалкой, за «понаехали» — лишь бы не за дозу.

Когда такие аргументы кончаются, озвучивается настоящий резон: «наркоман — не человек». Поэтому его можно оздоравливать вот так; поэтому его родственников жальче, чем его самого; и поэтому же убрать его с улиц благое дело, любой ценой.

Но с этим подходом есть проблема. Видите ли, в наше время не осталось практически никого, кто по чьим-то стандартам не был бы «не человек». Современное общество отличается от традиционного тем, что у каждого очень много статусов, и тем, что они намного меньше, чем это было на протяжении прошлой истории, коррелируют друг с другом. Как было раньше? Должность лейтенанта королевских мушкетеров для графа де ля Фер – слишком мало, а для Атоса – слишком много. А сейчас можно быть одновременно и негром, и выпускником Гарварда, и президентом США, и сыном выходца из третьего мира. Если мы согласны с тем, что можно так обращаться с «нечеловеками», это значит, что так можно с каждым из нас, повод найдется.

Элла Панеях. Ведомости, 2010 г.
(Текст дан в сокращении)

1.4. Практики коммуникативной толерантности

Коммуникативная толерантность распространяется на сферу публичного и межличностного общения и включает в себя соблюдение принципов толерантности в общении с непосредственным собеседником или массовой аудиторией. Речь в данном параграфе пойдет о практиках бытового межличностного общения и практиках профессионального общения журналистов. Практики создания текстов для массовой аудитории тоже относятся к коммуникативной толерантности, но мы их подробно рассмотрим в параграфе 1.6 «Ресурсы толерантности СМИ».

Толерантность в процессе коммуникации тесно связана с коммуникативной целесообразностью и вежливостью. Говорящий в процессе общения очерчивает «свой круг» с помощью выбора языковых средств, отграничивая себя, часто неосознанно, от *другого* по какому-либо фактору – возрасту, этнической или гендерной принадлежности и др. В ситуации диалога между субъектами нередко обнаруживаются разногласия, и это позволяет нам увидеть другие точки зрения, почувствовать интерес к опыту *другого*. Возможно, конечно, и неприятие чужого опыта. Это относится и к более широкому социальному диалогу, например, в телевизионных ток-шоу и других публичных формах обсуждения социально значимых вопросов с представлением различных позиций. Равное право для

высказывания каждой позиции, пусть интолерантной, рождает эффект толерантности, так как создает пространство для высказывания, встречи разных точек зрения.

Многие российские исследователи, в том числе И. А. Стернин и Ю. Е. Прохоров, считают, что применительно к межличностному общению в России соблюдение принципов толерантности — неоднозначно воспринимаемая и далеко не всеми принимаемая норма, особенно в неофициальной обстановке [11]. Любой компромисс, стремление уступить собеседнику ради сохранения мира могут восприниматься в штыки. Для многих значительно снижено понимание ценности и даже самой возможности альтернативной точки зрения, высказываний и поведения, отличных от общепринятых. Причиной этому являются традиционные установки на возможность и даже желательность прямого столкновения взглядов в споре, открытого конфликта мнений. В советское время такое речевое поведение одобрялось и поддерживалось как проявление идейной, партийной принципиальности.

На бытовом уровне общения в российском обществе считается допустимой навязчивая забота о собеседнике, даже малознакомом: нередко человек стремится научить собеседника, переубедить его, указать на ошибки, будучи твердо уверенным в своей правоте. Нередко нам дают советы, когда мы их не просим. Так, незнакомый человек на улице может посоветовать вам застегнуть пальто или надеть шапку в холодную погоду. Обратной стороной такой заботы является вторжение в личное пространство собеседника, неуважение к его личному выбору и мнению, хотя бы и в манере одеваться. На более глубоком уровне такое речевое поведение можно объяснить мыслительными установками, распространившимися еще в эпоху Просвещения с ее романтической верой в существование единой для всех абсолютной истины, единых норм, которые являются благом для всех и каждого. И если я знаю истину, то будет хорошо и правильно объяснить ее всем окружающим. Для сегодняшнего многократно усложнившегося мира такой взгляд наивен. Универсальных истин очень немного, а в остальном у каждого есть свой собственный, не универсальный личный опыт и право на частную жизнь и собственное мнение. Различия между людьми воспринимаются как ценность, и для общества важно признание за каждым права на неповторимость

и возможность сугубо личного, индивидуального выбора в самых разных областях жизни.

Толерантность и вежливость в общении объединяет то, что внешне они проявляются как уважительное отношение к *другому*, в том числе к его непохожести. Толерантное поведение в межличностной коммуникации проявляется как уважение, тактичность по отношению к собеседнику; значимо наличие в речи сигналов одобрения партнера по диалогу, скромность в выражении самооценки.

В основе вежливости и толерантности лежит доброжелательное отношение к партнерам по общению, признание их права на самостоятельную позицию, уважение к их культурным традициям, пусть и не всегда совпадающим с традициями говорящего. С прагматической точки зрения, соблюдение норм обычного официального общения, отсутствие в речи явного выражения неприятия каких-либо различий между коммуникативными партнерами уже можно считать толерантным общением.

Важны, особенно в публичной коммуникации, такие параметры толерантного общения, как стремление к достижению компромисса, открытое и спокойное обсуждение разногласий, допускающее инакомыслие, отсутствие единой точки зрения. Соответственно, параметры интолерантного общения и в межличностной, и в публичной коммуникации — категоричность выражения несогласия, настаивание на своей позиции, отказ от компромисса, агрессивные высказывания.

Что порождает интолерантность в межличностном общении?

Не всегда интолерантная тональность разговора создается намеренно. Иногда этому способствуют косвенные факторы, которые часто не вполне осознаются собеседниками. Во-первых, осложняет ситуацию изначальная интолерантность одного из участников общения, например, ожидание подвоха, уверенность, что к нему относятся предвзято. То, что мыслится как реальное, становится реальным по своим последствиям: разговор трудно выстроить гармонично. Во-вторых, к интолерантному отношению может привести непонимание, возникшее в процессе общения, так бывает, когда одному из участников разговора неизвестна обсуждаемая

тема, непонятна изложенная информация. В-третьих, нередко как выражение интолерантности в свой адрес собеседник может воспринимать некоторые обращенные к нему вопросы. Так обычно воспринимается вопрос с неясной целью (*Преподаватель — студенту: «А Вы дома сегодня ночевали?»*); упрек или замечание в форме вопроса (*Сколько это будет продолжаться? Когда Вы перестанете опаздывать?*). Как знак интолерантности выглядят вопросы на неприятную для адресата тему или просто множество вопросов, когда у адресата возникает ощущение, что его допрашивают. Наконец, враждебное недопонимание может возникнуть при несовпадении языковых кодов участников общения: один считает правильным говорить на чистом литературном языке, другой через слово употребляет просторечия и жаргонизмы, и возможно, тут нет стремления задеть собеседника — каждый просто использует наиболее привычную для него форму речи.

На степень толерантности диалога влияет также принадлежность или непринадлежность участников общения к одной социальной общности (от социального класса до семьи), степень взаимного совпадения общих фоновых знаний о мире.

Практики толерантности в профессиональном общении журналистов

Правила для журналистов предполагают иные критерии баланса толерантности и интолерантности в беседах, интервью с целью получить значимую для массовой аудитории информацию. Допустимо, в противоположность нормам светского общения и не профессиональной, а бытовой межличностной коммуникации, заострять внимание на злободневных проблемах, которые собеседник, например, как должностное лицо, обсуждать не хочет. Часто это прямая необходимость для журналиста — настаивать на получении информации, которую некто не хочет обнародовать. Во время интервью в радио- или телеэфире журналист вправе поднимать нежелательные для кого-то темы, задавать неудобные вопросы, если это действия в интересах аудитории. Также в современной журналистике широко используется публичное столкновение разных точек зрения ради драматизации, увеличения эмоциональной насыщенности публикации или зрелищности телепрограммы; возможны

провокационные заявления для стимулирования общественно значимой дискуссии. Однако неэтично и нетолерантно привлекать внимание аудитории к диалогу за счет перехода на обсуждение личных качеств собеседника, хамского тона и т. д.

РЕКОМЕНДАЦИИ ЖУРНАЛИСТАМ

Принципы толерантности в межличностном общении в основном совпадают с нормами светского общения (общение между равными, но не близкими людьми). К ним относятся: избегание конфликтных тем и ситуаций; некатегоричность в формулировании своей позиции; избегание при обсуждении различий негативно-оценочной лексики, особенно стилистически окрашенной.

Важно сохранение лица оппонента в споре: не перебивать его; исключить критические оценки личных качеств собеседника; стремиться делать уступки собеседнику, использовать комплименты и речевые поддержки (это невербальные и вербальные знаки того, что вы слушаете партнера по диалогу и вам интересно его мнение, например, вы поддерживаете зрительный контакт во время беседы, киваете в знак согласия, говорите фразы типа *очень интересно, расскажите подробнее!*).

Способствуют продуктивному и доброжелательному диалогу установка на спокойную рациональность беседы, это означает, что надо добросовестно аргументировать свою позицию в споре, избегать излишней эмоциональности, чаще опираться на общеизвестные истины, сформулированные в пословицах и крылатых выражениях, напоминать очевидные факты. В толерантном споре вывод на основе собственной аргументации всего лишь предлагается адресату, но не навязывается ему.

Пока вас не просят помочь советом, будет намного эффективнее не рассказывать, как следует поступать, а попробовать вдохновить человека на примере собственных действий.

В профессиональном общении для журналиста важна коммуникативная целесообразность, прагматическая обусловленность в выборе тональности и содержания диалога. Соблюдение общих принципов публичного толерантного общения предполагает создание условий для выражения всех значимых точек зрения,

представленных в обществе, для корректного обсуждения разногласий. Важно уходить от назидательности в выражении своей позиции, поддерживать стремление к достижению компромисса по сложным общественным проблемам, у которых нет очевидного, устраивающего всех решения.

ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАДАНИЯ

1. Проанализируйте диалог в прямом эфире на радио «Финам FM» между журналисткой Еленой Лихачевой и предпринимателем и общественным деятелем Германом Стерлиговым. Охарактеризуйте степень коммуникативной толерантности собеседников по отношению друг к другу. Была ли прагматически эффективной такая тональность беседы для журналистки? Для ее собеседника? Назовите пять конкретных примеров нарушения принципов толерантности в публичном общении.

СТЕРЛИГОВ: Главное, конечно, аборт, которыми женщины поубивали сотни миллионов своих детей! И это больше, чем Сталин, Гитлер и Ленин вместе взятые! И до сих пор продолжают это делать. Каждый день убивают 22 000 детей в стране... И до тех пор, пока не запрещены аборты, все разговоры о выходе из кризиса — просто идиотизм, по большому счету! Но есть надежда, что в результате кризиса, то есть в результате полувойенной ситуации, будет запрещено детоубийство! Потому что нам нужны дети! Нам они нужны больше денег, больше экономики, больше заводов!

ЛИХАЧЕВА: Кому — «нам»?

СТЕРЛИГОВ: Нам — это нам, моему народу! Это нам всем, и вам тоже нужны, даже если вы это не понимаете! Потому что, как вы сказали, вы блондинка и женщина, вы имеете право это не понимать! А я не имею права это не понимать, потому что я — мужчина! Поэтому дети — это наше будущее! Это настолько ясно, что убивать своих детей — это должно быть запрещено под страхом смертной казни для врача-убийцы, прежде всего! А не для девчонки, которую обманывают, дурочку!

ЛИХАЧЕВА: Теперь смотрите. Несмотря на то, что я блондинка, женщина, именно блондинки, брюнетки, женщины — может быть, вы не знали — рожают детей. Поэтому меня очень сильно бесит, когда интересы мои личные путают с интересами рода, правительства, мировой макроэкономики и так далее.

СТЕРЛИГОВ: Какие личные интересы у женщины, когда она собирается убить своего ребенка! Ее нужно пороть! Просто пороть, как сидорову козу!

ЛИХАЧЕВА: Все. С этого момента, пожалуй, давайте мы закончим эту тему. Потому что я...

СТЕРЛИГОВ: А то нет, женщина имеет право сама решать, убивать ей своего ребенка или не убивать. Да вы что, какой это вопрос женщины! Это мой вопрос! Я мужчина! Это мое семя, это мой сын, или моя дочь, какая женщина может убить моего сына или мою дочь, да еще говорить «да это мое дело»! Да в торец ногой, для того чтобы подумала и не убила! Ребенок выживет, а сняк пройдет на лбу!

ЛИХАЧЕВА: Герман, вы закончили?

СТЕРЛИГОВ: Да.

ЛИХАЧЕВА: Я могу теперь высказаться?

СТЕРЛИГОВ: Выскажитеесь.

ЛИХАЧЕВА: Смотрите. Я с вами по этому поводу не спорю. Я вам больше скажу, меня эта тема волнует, может быть, не меньше, чем вас. Но вот так орать, притом используя такую риторику, какую вы используете, мне кажется, совершенно неконструктивно. Это уже было. Сложнее все гораздо. Все гораздо сложнее. Невозможно вывести какой-то декрет, все запретить. Так, хорошо, запретили. И что дальше?

СТЕРЛИГОВ: Именно только когда были запрещены аборты — тогда они были исключением! И никакие бабки-повитухи подпольным образом десять миллионов абортов в год не сделают! И никуда бабы не денутся, будут рожать, если это будет запрещено! Да еще уголовное наказание будет серьезное!

ЛИХАЧЕВА: Вы помните, насколько увеличилась женская смертность, когда были введены...

СТЕРЛИГОВ: Да женщина должна сдохнуть, если она хочет убить своего ребенка! Это справедливо! А женщина, которая убивает своего ребенка, и ей говорят — вот, давайте ей дадим больничный, да еще каких-нибудь денежек — это вообще форма извращения конченная! А рассказывать о том, что, знаете, у нас детоубийство должно быть безопасным, — это вообще деградация полнейшая! И страшно, что мне это женщина говорит! Это значит, что у вас материнские инстинкты убиты! Это жуть вообще полная! Да еще на всю страну говорите! То есть даете оправдание тем девчонкам, которые, может быть, завтра собираются пойти убить своих детишек! И вы разделяете эту ответственность за детоубийство тогда!

ЛИХАЧЕВА: Вы сейчас со мной дискутируете или с кем-то другим?

СТЕРЛИГОВ: Да с вами я, с вами дискутирую, ненаглядной!

ЛИХАЧЕВА: А вы сейчас из моих слов заключили, что я поддерживаю эту тему?

СТЕРЛИГОВ: Да! Я заключил именно это из ваших слов!

ЛИХАЧЕВА: А-а.

СТЕРЛИГОВ: Это моральное оправдание! Потому что каждый находит себе оправдание! У кого институт, кого любовник бросил, кого то, се, пятое, десятое! А заканчивается все детоубийством! Женщина всегда что-нибудь придумает! Женщина вообще немощный сосуд!

ЛИХАЧЕВА: Вы женоненавистник, что ли? Я поняла наконец-то.

СТЕРЛИГОВ: Да какой ненавистник! У меня пятеро детей! Я не знаю, сколько у вашего мужа от вас детей! Но у меня — пятеро! Какой я женоненавистник?!

ЛИХАЧЕВА: Абсолютный женоненавистник.

СТЕРЛИГОВ: Все, давайте другую тему, действительно! Что с вами спорить?! Вам запрещать надо убивать детей, и все! Нечего с вами спорить! А если убиваете, то ссылате, а врача казнить! Потому что он убийца! И разговоров других быть не может!

(Текст дан в сокращении)

2. Покажите в приведенных ниже высказываниях, каков механизм конструирования интолерантности при вроде бы очевидном намерении автора выразить похвалу. Назовите в каждом случае объект и предмет интолерантного отношения:

1. Раз парнем повезло родиться, то по плечу и в армию поход! (заголовок отчета о том, как прошел День призывника в уральском городе).

2. Пенсионерки души не чаяли в участковом-азербайджанце: «Он хоть и не русский, но очень хороший человек. Вежливый. Спокойный. И жена у него хорошая».

3. Хороших людей мало, вот на нашей улице хорошие живут...

4. Профессиональная сфера очень необходима женщине, так как ее беседы с коллегами-единомышленниками способствуют ее психологической разгрузке, что отражается на ее самочувствии и поведении в семье. Откровенничая друг с другом, сотрудницы узнают многие интимные подробности личной жизни. А каждой женщине становится легче от того, что, например, не ей одной муж изменяет, что многие терпимо относятся к пьющему мужу.

5. Л. Огудалова, главный бухгалтер горсетей, дама бальзаковского возраста, известна тем, что среди немногих очереянок освоила «железного» коня и легко управляет «жигуленком» вот уже в течение 5 лет. Это тоже своего рода достижение, для женщины особенно.

1.5. Политическая корректность

Мы рассматриваем политическую корректность как часть коммуникативной толерантности. Дадим соответствующее определение: политическая корректность — соблюдение определенных правил поведения, в первую очередь речевого, позволяющих избежать дискриминирующих высказываний и других форм дискриминации по признаку принадлежности к той или иной социальной группе.

Эта тема касается толерантного отношения к *другим*, которые, будучи включенными в наш социум, составляют в нем меньшинство, так называемые минорити-группы. Со стороны большинства такие группы или отдельные их представители нередко подвергаются насмешкам, оскорбительным действиям и другим формам дискриминации. Набор принципов, противостоящих практикам дискриминации, и относится к правилам политической корректности.

Одна из задач реализации принципов политической корректности — поиск новых слов и выражений вместо тех, которые неприятны представителям социальных меньшинств, задевают их чувства и ущемляют человеческие права. Коммуникативная бестактность или грубая прямолинейность характеризует многие наименования людей, указывающие на их расовую, этническую и гендерную принадлежность, а также возраст, состояние здоровья, внешний вид. Такие слова, как *негр, татарчонок, старуха, инвалид, толстяк* и им подобные, нуждаются в замене на более уважительно звучащие наименования. Поиск корректных номинаций требуется и для обозначения рода занятий, социального статуса, которые выглядят непристизжными в глазах большинства (*уборщица, бомж*).

Политическая корректность может иметь вербальное и невербальное выражение. Невербальная политкорректность проявляется, например, в этнически и гендерно пропорциональном подборе моделей для рекламных фотографий и видеосюжетов, персонажей фильмов, участников реалити-шоу и т. д. Наша задача — рассмотреть, прежде всего, проблемы вербальной политкорректности.

В заданных рамках идея политкорректности состоит в том, чтобы избегать использования слов и выражений, которые минорити-группы (или большинство членов этих групп) считают или

могут считать оскорбительными для себя. Проблема в том, что другая, многочисленная часть общества не обязательно считает эти слова и высказывания оскорбительными по отношению к данной социальной группе. В России так происходит, например, со словом *инвалид*. Оно традиционно используется во многих официальных документах, откуда заимствуется в журналистские тексты и в бытовую речь. Политически корректные замены — *люди с ограниченными возможностями, с особыми потребностями, с особенностями развития* — требуют сегодня осознанного употребления. Автоматической замены слова *инвалид* в речи большинства пока не произошло. Речевые привычки менять трудно, и многие люди считают достаточным аргументом в пользу политически некорректных номинаций утверждения типа *я всегда так говорил, так говорят все мои знакомые, я встречала это слово в книгах*.

Между тем речевые формы дискриминации имеют негативные социальные последствия, они формируют низкую самооценку у представителей социальных меньшинств, что часто ведет к отлучению их от престижных форм культуры (престижное образование, профессии с высоким социальным статусом). У социального большинства, в свою очередь, формируется комплекс превосходства и стойкая основа для воспроизведения практик социального неравенства — не только на словах, но и в действиях.

Обсудим основные трудности следования принципам политической корректности.

Существует несколько оснований для критики самого понятия и практик внедрения политической корректности. Во-первых, не всегда легко подобрать корректное наименование для конкретной социальной группы *других*. Во-вторых, сторонников политкорректности иногда обвиняют в попытках замаскировать с помощью эвфемистичных выражений реальные социальные проблемы: *Вы призываете перестать говорить «инвалиды» вместо того, чтобы строить пандусы*. В-третьих, указывают на то, что в своем узком кругу минорити-группы часто используют некорректные наименования по отношению друг к другу: *азеры, ниггеры*. В-четвертых, в принципах политической корректности видят посягательство на свободу слова и самовыражения, вид цензуры.

Спор на эту тему требует добросовестной аргументации. Действительно, не все эвфемизмы оказываются удачными, и они

не всегда принимаются как приемлемые самим социальным меньшинством. Нет, например, единого мнения, можно ли называть людей, практически потерявших зрение, слабовидящими и можно ли называть их слепыми. Кроме того, есть явление эрозии политкорректных выражений. Слово или выражение, которые выглядят подходящими в определенный период времени, позже словно бы девальвируются, приобретают негативно-оценочный смысл. Так случилось со словом *секретарша*, которое долго было нейтральным обозначением должности, однако сегодня обычно заменяется на другое слово или выражение, например, *помощник руководителя*.

Показательна смена выражений, характеризующих детей и подростков, не вписывающихся в общественные ожидания о хорошем поведении. *Малолетний преступник* — это номинация, выводящая несовершеннолетнего за пределы сообщества «нормальных» детей. Выражение *трудный подросток* — означает ребенка, вступившего в стадию пубертата (полового созревания), поведение которого не соответствует общепризнанным социальным нормам — близко по смыслу к *малолетнему преступнику*, но все-таки мягче, оно не звучит как приговор. Сегодня таких детей чаще называют *подростками, попавшими в сложную жизненную ситуацию*. Трудной жизненной ситуацией в рамках государственной социальной политики называют обстоятельства, с которыми человек не в состоянии справиться в одиночку, например, безнадзорность, малообеспеченность, отсутствие жилья, жестокое обращение в семье и т. п. Существенно, что при этом подходе акцент смещается с идентичности подростка (*он такой сам по себе*) на объективно тяжелую обстановку, в которой он оказался. И этот взгляд меняет направление поисков решения проблемы: не изолировать подростка в колонию для малолетних преступников, а помочь ему улучшить жизненную ситуацию. Таким видится горизонт пользы от усилий по замене грубых, уничижительных наименований на политически корректные, демонстрирующие уважение к личности того, кого именуют, уважение к его человеческим правам.

Специалисты считают, что за языком агрессии скрываются страх и недоверие большинства по отношению к минорити-группам, стремление защитить собственный образ жизни, свои жизненные правила. Когда в России в 90-е гг. XX в. многие социальные меньшинства начали говорить о себе вслух, оказалось, что значительная

часть российского общества не готова к их равноправию. Уважать право женщины на выбор, когда и сколько она родит детей? Уважать аутистов и людей с синдромом Дауна? Многие увидели в этом покушение на привычные практики речи и поведения, подрыв представления о «нормальном», то есть одинаково правильном для всех.

Да, не всегда легко подыскать корректную замену для привычного уничижительного слова. Хорошо бы обеспечить понимание, что предлагаемые новые слова — это лишь варианты, которые завтра могут измениться снова. Важный критерий для выбора политкорректной замены — принимает ли сама минорити-группа другое наименование? Как эти люди именуют себя сами? Например, те, кого в России называют цыганами, именуют себя *рома*. О *ромском этносе* идет речь и в тех документах ООН и ЮНЕСКО, которые касаются прав этой этнической группы.

Некоторым людям не нравится само выражение *политическая корректность*, оно воспринимается ими как знак явления, навязанного россиянам извне. Однако дело не в термине. Политкорректность — это вид эвфемизации, проявление языкового такта — явлений, которые существуют и существовали в любом языке. Поиск корректных эвфемизмов существовал в России в советское время: не *доярка*, а *оператор машинного доения*, не *тракторист*, а *механизатор*. Это делалось для затушевывания низкого социального статуса представителей некоторых профессий. Использовались тактичные наименования людей по возрастным признакам: *старшее поколение*, *люди почтенного возраста*; по внешнему виду: *человек крупного телосложения*, *крупный* (вместо *толстый*) и др.

Можем ли мы сказать, что язык политической корректности способен повлиять на изменение ценностей общества? Разумеется, да. Для диалога на равных между разными социальными группами нужно сначала выбрать формы уважительного обращения друг к другу.

Лингвокультурологи говорят, что в российской бытовой коммуникации ценится искренность, стремление «называть вещи своими именами». И частое употребление «по простоте душевной» определенных слов и выражений приводит к тому, что они воспринимаются большинством как прямое, безоценочное именование предмета речи: *зачем искать и запоминать новые слова, когда я говорю об инвалидах и все знают, кто это?* Этот наивный подход, упрощающий

ситуацию и экономящий усилия говорящего, не исчезнет сам по себе. Требуются осознанные усилия для смягчения агрессивных высказываний за счет норм политической корректности.

РЕКОМЕНДАЦИИ ЖУРНАЛИСТАМ

Чем могут помочь журналисты? Прежде всего практиками собственного словоупотребления. Очень многие слова приходили и приходят в язык благодаря их употреблению в средствах массовой информации. И это более спокойный и мягкий путь, чем попытки насадить новые правила под угрозой штрафов и судебных разбирательств. Важно говорить о социальных проблемах политически корректным языком, искать сторонников, которые тоже считают, что нашему обществу необходим язык для мирного диалога.

Риторика толерантности часто не спасает от реальной дискриминации. Но она все же может способствовать смягчению нравов. Следование правилам политической корректности, в том числе со стороны журналистов, — это пока наиболее очевидный способ борьбы с социальной агрессией. Журналисты часто сообщают о плохих новостях, о ненависти одного сообщества по отношению к другому. Но агрессивный потенциал текста может быть снижен, по крайней мере, за счет отсутствия грубых оценочных выражений в адрес целых социальных групп, за счет стремления непредвзято изложить аргументы всех сторон конфликта.

Массовая культура тоже способна внести вклад в формирование положительного имиджа социальных групп, которые у многих вызывают страх и недоверие. Успешный телевизионный сериал «Реальные пацаны» смягчил образ тех, кого презрительно именуют *гонниками*, и в какой-то мере способствовал замене одной номинации на другую.

Подобные формы активной толерантности в журналистике, в кино, на телевидении — это приложение усилий к формированию возможных норм завтрашнего дня.

ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАДАНИЯ

1. Исправьте следующие высказывания так, чтобы они не были оскорбительны для тех, кто чувствительно относится к своему возрасту, физическому состоянию, социальному статусу:

Наташа выросла в неполной семье.

Антон учится в школе для умственно отсталых детей.

Старородящие матери должны тщательно заботиться о своем здоровье (о женщинах начиная с 27 лет. — Э. Ч.).

Толстые люди нуждаются в диете.

Мария заботится о своем сумасшедшем брате.

Данная благотворительная программа уделяет большое внимание проблемам престарелых и умственно отсталых.

У Анны Петровны болезнь Альцгеймера, она почти выжила из ума.

В городе состоялись первые соревнования инвалидов-колясочников.

2. Отредактируйте сексистские высказывания так, чтобы они отвечали требованиям политкорректности:

Преподаватель должен быть терпимым к своим ученикам.

Студентки обычно очень волнуются перед экзаменом.

Женщина должна следить за своей фигурой.

Все актрисы чересчур эмоциональны.

Настоящий мужчина — это гора мускулов.

3. В чем состоит гендерная интолерантность приведенных словиц? Выразите мысль, содержащуюся в каждом высказывании, в позитивном ключе, без интолерантности.

Бабе дорога от печи до порога.

Кто рано встает, тому Бог подает.

Бабы умы разоряют дома.

Где родился, там и пригодился.

Курица не птица, баба не человек.

4. Какие замены в целях политической корректности оправданы, а какие вам кажутся крайностью?

1. Аборигены — коренная нация.

2. Инвалиды — люди с ограниченными возможностями.

3. Индейцы — коренные американцы.

4. Больные СПИДом — ВИЧ-позитивные.

5. Пожарники — менеджеры противопожарного подразделения.
6. Бомжи — субъекты гибкого расселения.
7. Наркоманы — наркозависимые.
8. Менты — полицейские.
9. Секта — религиозная группа.

1.6. Ресурсы толерантности СМИ

Мы понимаем ресурсы СМИ в области решения проблем толерантности как имеющиеся у журналистов организационные средства и коммуникативные практики, которые могут способствовать распространению в обществе установок толерантного сознания и форм толерантного поведения.

Главный ресурс толерантности СМИ — служение реализации конституционного права на свободу выражения мнений, свободу получения и распространения информации. Потенциальная толерантность СМИ состоит, прежде всего, в обеспечении пространства для общественной дискуссии по актуальным темам, в представлении разных точек зрения. Интолерантные мнения, существующие в обществе, но игнорируемые СМИ, более опасны, чем те, которые становятся предметом обсуждения. Категоричные интолерантные высказывания в СМИ могут способствовать процессу обсуждения конфликта, поиску новых аргументов, развитию общественной дискуссии — если они дают повод стимулировать в качестве реакции высказывание других мнений, которые также имеют шанс быть представленными в СМИ. Такой процесс дает совокупный эффект толерантности, даже если ни один участник диалога не был толерантен к оппонентам.

Названная миссия СМИ подкрепляется положениями «Декларации принципов толерантности» ЮНЕСКО, а также еще рядом важных документов. Статья 19 «Всеобщей декларации прав человека», принятой ООН в 1948 г., гласит: «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное их выражение; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию любыми средствами, независимо от государственных границ».

«Международный пакт о гражданских и политических правах» Генеральной Ассамблеи ООН (1966 г.), подтвердив положения «Всеобщей декларации прав человека», одновременно указал на возможность ограничения со стороны государства свободы распространения информации ради сохранения не менее важных ценностей: уважение прав и репутации других лиц; охрана безопасности государства, общественного порядка, здоровья или нравственности населения. В статье 20 данного пакта заявлено, что государство может запретить в своем законодательстве пропаганду войны, разжигание национальной, расовой или религиозной ненависти, подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию над людьми.

«Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод» (международный договор, вступивший в силу в 1953 г.) в статье 10 «Свобода выражения мнения» добавила еще ряд уточнений: право каждого свободно выражать свое мнение включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Ограничения свободы слова, в том числе государственное лицензирование органов СМИ, оправданы ради защиты национальной безопасности, территориальной целостности, общественного порядка; предотвращения беспорядков или преступлений; охраны здоровья и нравственности; защиты репутации или прав других лиц; предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально; обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия. Подчеркнуто также, что свобода слова касается и тех идей, которые оскорбляют, шокируют или раздражают государство или какую-то часть населения, потому что таковы требования плюрализма, толерантности и широты взглядов. Исполнение положений Европейской конвенции контролирует Европейский суд по правам человека.

Федеральным законом № 54-ФЗ от 30 марта 1998 г. «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» Российская Федерация ратифицировала данную Конвенцию.

Базовые положения о свободе мнений закрепляет Конституция РФ в статье 29: «Каждому гарантируется свобода мысли и слова». Важно, что если речь идет о «каждом», то право на свободу мысли

и слова предоставляется любому человеку на территории РФ, независимо от наличия у него гражданства России и вообще какого-либо гражданства.

Специфика роли СМИ в формировании установок толерантного сознания

СМИ — это значимые субъекты ин/толерантности, потому что они имеют символическую власть в силу того, что формируют мнение аудитории, оказывают на нее влияние.

Мы можем говорить о толерантности СМИ в широком смысле, когда журналисты, не вступая в полемику, просто не участвуют в распространении негативных стереотипов, предубеждений о той или иной минорити-группе. Ведь о многих таких группах адресат узнает только из сообщений СМИ, и стереотипы особенно легко принимаются на веру, если социальная группа неизвестна адресату по личному опыту. О толерантности в узком смысле, напомним, можно говорить тогда, когда СМИ выступает в защиту морально значимого для большинства отклонения от того, что считается нормальным, общепринятым, и объясняет свою позицию моральными соображениями, призывая к терпимости в отношении различий в поведении, не нарушающих правовых норм.

Определение степени толерантности или интолерантности сообщений СМИ невозможно лишь на основе их содержания, обязательно требуется учет ситуативного контекста. Так, многие СМИ, являющиеся представителями органов власти, избегают острых тем, интолерантных высказываний, создают картину безоблачной социальной гармонии в мире *своих*. Объясняется это тем, что у таких СМИ есть не только собственно журналистские цели, но и пропагандистская задача создать положительный имидж представителей власти и региона, которым они руководят. Поэтому в СМИ с другими учредителями, не имеющими властной поддержки, возможны гораздо более резкие по тону, интолерантные публикации, и это объясняется не дурным характером членов редакции, а свободой от PR-задач по отношению к руководству региона, города, предприятия.

Критерием следования стандартам качественной журналистики является не столько толерантность или интолерантность

сообщений, сколько сбалансированность их содержания: непредвзятое, равноправное представление различных точек зрения, использование нескольких источников информации и точное на них указание.

Ситуативный контекст сообщений СМИ позволяет также выявить практики умолчания о минорити-группах как вид интолерантности со стороны журналистов. Это может быть вынужденное молчание о какой-то группе *других* вследствие прямого запрета на их публичное упоминание: так в советское время уральская пресса практически не упоминала о большом количестве поволжских немцев, выселенных на Урал во время Великой Отечественной войны. Возможно и молчание «на всякий случай» в связи с потенциальной опасностью горячих тем, даже если никакого внешнего запрета не было. Иногда молчание СМИ — это позиция нейтралитета по отношению к различию, что можно рассматривать как форму пассивной толерантности: если редакция не обсуждает в своих публикациях, какой высоты каблуки могут носить в школе старшеклассницы, она, вероятно, считает, что это их личное дело.

Когда журналисты все же берутся за сложную тему про *других*, к которым нет однозначного отношения, они часто используют практику «делегирования интолерантности»: интолерантные высказывания содержат письма читателей, выступления политиков, экспертов, слова героев публикаций, а журналист свою позицию прямо не формулирует. Поэтому для выявления степени ин/толерантности публикации всегда важно, заявлена ли открыто позиция журналиста или редакции.

Существенно для определения степени толерантности редакции, предоставлено ли право на ответ стороне, к которой выражено интолерантное отношение. Принципиальное несовпадение позиций, высказанных в СМИ, способно интенсифицировать развитие социальной ситуации, ставшей предметом обсуждения, скорость процессов ее изменения, трансформации. Если люди, которые отличаются в чем-то от большинства и которых нам трудно понять, получают возможность публично высказаться, возрастает вероятность, что мы будем более толерантны по отношению к ним или что будут забыты старые обиды, которые могли копиться столетиями и десятилетиями. Например, сегодня можно только позитивно оценить появившиеся в уральских СМИ публикации о культуре

и вере старообрядцев или о сохранившихся донине языческих верованиях части жителей Урала и Поволжья. Вряд ли это кого-то сподвигнет на принятие таких верований, но истории о старообрядцах и язычниках, живущих рядом, позволяют лучше осознать религиозно-культурное разнообразие современной России.

Конкретные практики толерантности в сфере журналистики

Во-первых, возможно прямое обращение к проблемам толерантности в журналистских текстах на уровне выбора информационного повода (*в университете состоялась научная конференция о межэтнической толерантности; прошел урок толерантности в средней школе*) или постановки проблемы (*исток интолерантности к трудовым мигрантам на вещевых рынках*).

Во-вторых, одна из практик толерантности связана с принципами подбора журналистских кадров. Так, в Правилах профессиональной этики для сотрудников межгосударственной телерадиокомпании «Мир», принятых Советом директоров МТРК «Мир», отмечено: «Мы считаем политически и этически целесообразным, чтобы ведущие («хозяева эфира») в МТРК менялись регулярно, попеременно представляя в своем лице все страны Содружества». Телерадиокомпания вещает на русском языке на территории ряда государств постсоветского пространства и считает важным обеспечить среди своих сотрудников равное представительство — в лице телеведущих и собственных корреспондентов — граждан разных государств. В более общем виде этот подход можно определить как установку на то, чтобы среди журналистов были сбалансированно представлены мужчины и женщины, представители разных этнических групп, проживающих на территории распространения информации данными СМИ, и т. д.

В качестве жеста поддержки этнокультурных меньшинств некоторые профессионально-этические кодексы журналистов заявляют о возможных формах их привлечения в сферу массмедиа: «Филиалы МТРК “Мир” обязаны вести целенаправленное освещение жизни меньшинств в республиках, привлекать их представителей к активному сотрудничеству и, по возможности, иметь штатных сотрудников из представителей национальных меньшинств».

О важности подобной практики заявлено и в Софийской декларации — документе, принятом участниками Европейского семинара «Укрепление независимых и плюралистических средств информации», организованного в Софии Департаментом общественной информации ООН и ЮНЕСКО в 1997 г. (Декларация одобрена на 29-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО 12.11.1997). В частности, в этом документе сказано: «Ксенофобия и столкновения между различными этническими и религиозными группами угрожают миру и демократии во многих частях Европы. В рамках программ подготовки по журналистской этике внимание журналистов следует обращать на опасности, связанные с предрассудками и дискриминацией. Необходимо также проводить более правильную политику подбора кадров, которая способствовала бы привлечению журналистов и журналисток, представляющих этнические и другие меньшинства».

В-третьих, толерантность журналистов может реализоваться через внимание к *другим* на уровне информационного повода, выбора персонажей для текстов СМИ, ведь ксенофобия, как мы знаем, часто основывается на негативных стереотипах — суждениях, которые воспроизводятся автоматически и, как правило, не опираются на личный опыт общения с *другими*. Бытованию таких стереотипов может противостоять информация о реальных людях, принадлежащих к минорити-группам, о событиях, в которых они участвуют. Непредвзятая информация от журналистов — шаг в сторону толерантности. Уже цитированные Правила профессиональной этики для сотрудников МТРК «Мир» формулируют следующую норму: «Помимо этнических меньшинств любое общество структурируется еще и на ряд других меньшинств, на устойчивые общественные группы, именуемые в науке “стратами”, которые тяготеют к определенной замкнутости, обособленности. Безусловно, что их деятельность не может оставаться вне сферы внимания филиалов МТРК “Мир”».

В-четвертых, если говорить о толерантных установках СМИ в отношении *других*, то они предполагают, что, с одной стороны, в описании *другого* нет стремления к нивелированию различий, с другой — отсутствует абсолютизация этих различий. Если подлинный диалог возможен только при условии различия позиций собеседников, то, следовательно, толерантность реализуется не через

стирание, а через поддержание различий. Не обязательно в процессе общения непременно стремиться к выработке единой позиции, к ассимиляции *другого* через стирание различий. Не нужна и вторая крайность в создании образа *другого* в текстах СМИ — абсолютизация культурных и социальных различий, когда журналисты ищут и находят все новые замкнутые субкультуры. Часто описание заново сконструированных социально-культурных групп имеет экономическую подоплеку: новый социальный образ предполагает новые товары, открытие специализированных магазинов, создание новых музыкальных радиостанций и страниц в социальных сетях. В российских СМИ это хорошо видно на примере публикаций, в том числе рекламных, о стилях жизни: метросексуалы, хипстеры, любители разных форм боди-арта и т. д. Для каждой группы описываются и предлагаются свои группы товаров, свои СМИ, свои места отдыха и способы проведения свободного времени. Таким образом, провозглашается каждый раз другая культура отдельной социальной группы, «культура-для-себя». Эта логика приводит к утверждениям о невозможности подлинной коммуникации с разнообразными *другими*: якобы только православный может «понять», что значит быть православным, китаец — что значит быть китайцем и т. д. Абсолютизация различий, особенно морально незначимых, не приближает к толерантности, а уводит от нее.

В итоге следует отметить, что толерантность позиции самих журналистов по отношению к актуальным социальным различиям не представляется легко достижимой, тем более — достигнутой, в то время как если бы СМИ увеличили степень толерантного внимания к *другому*, можно было бы говорить о повышении уровня общественной дискуссии в важных для общества вопросах.

РЕКОМЕНДАЦИИ ЖУРНАЛИСТАМ

Для поддержания толерантной атмосферы в обществе необходимо согласие относительно некоторого количества общих обязанностей, соблюдения правовых норм всеми жителями страны, гражданами и приезжими. Журналисты могут доносить эти принципы, опираясь на конкретные факты.

Один из путей приближения к толерантности — игнорирование несущественных различий. Так, журналистам не стоит

акцентировать этническую, религиозную принадлежность, другие социокультурные отличия своих героев, если они непосредственно не связаны с информационным поводом сообщения.

Важно помнить, что при столкновении с ситуацией, в которой реализуется борьба минорити-группы за символическую представленность в социуме, журналист может помочь как публично представить позицию *других*, так и дать слово их возможным оппонентам, открыть публичную дискуссию, в которой будут представлены аргументы разных сторон.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Прочитайте текст. Определите объект и предмет интолерантного отношения автора. Какие конкретные черты называет автор у объекта интолерантности? Перечислите маркеры интолерантного отношения. Что послужило информационным поводом для данной публикации? Напишите краткий и политически корректный ответ автору в защиту интернет-пользователей.

Есть ли управа на «интернет-гаденьшей»?

Если верить теории Дарвина, то живые организмы постепенно эволюционируют, приспосабливаются к окружающей среде. «Человек разумный» сам за тысячи лет так наострился приспосабливать под свои прихоти матушку-природу, что уже истребил не одну сотню других видов живых существ, превратил многие цветущие долины и морские глади в пустынные солончаки, овладел самоубийственным атомным огнем и уже на памяти ныне живущих создал интернет.

Представители ученого мира утверждают, что «всемирная паутина» была соткана в виртуальном пространстве самими учеными для объединения их информационных возможностей.

Сторонники конспирологии убеждены, что это новообразование 1990-х годов есть продукт подрывной работы ЦРУ США или «вообще масонов». Впрочем, сотни миллионов нынешних пользователей интернета не задумываются о его гносеологии. Причем немалая их часть, на мой «ретроградский» взгляд, вообще мало о чем задумываются.

Общественная опасность подобной публики, казалось бы, невелика. Ну, подумаешь, «сидят в сети», «ползают» по сайтам и блогам, набирают свои не слишком грамотные безликие отклики на чужие мысли и действия. Стоит ли обращать внимание на писк «сетевых

хомячков»? Тявканье виртуальных мосек не первый год сопровождает жизнь каждого более или менее публичного человека.

Автор этих строк — не исключение. Вот пример. Сolidное информационное агентство уговорило меня прокомментировать очередной сюжет из скоротечной международной жизни. Как зампреду комитета по международным делам Совета Федерации, мне приходится давать подобные комментарии ежедневно — общение со СМИ входит в обязанности парламентария. За несколько минут по телефону высказал им собственную точку зрения и переключился на другие дела. Интернет-версию моего ответа разобрали на цитаты другие. Вечером того же дня случайно наткнулся в сети на одну из них. Цитата была, как водится, выдернута из контекста. Затем было модное в сети «Место для комментариев». Первым откликнулся аноним под псевдонимом «Ю». В переводе на нормативную лексику его перл выглядел приблизительно так: «Безмозглому сенатору делать нечего, вот он и дает дебилские интервью по поводу всякой чуши!»

Не буду утверждать, что подобные комментарии вызывают позитивные чувства. Однако за четверть века в политике бывало и значительно жестче (причем «обидчики» сидели прямо передо мной в студии ТВ, в переполненных залах или стояли на площадях). К тому же, в отличие от изрядного числа своих коллег, я «интернет-доброжелателей» не отслеживаю и стараюсь следовать народному совету — «на дураков не обижаться».

Между тем дело, увы, не в личных эмоциях. К концу первого десятилетия XXI века мы столкнулись с тем, что философы называют «переходом количества в качество». Среди *homo sapiens* явно образуется новый подвид, который я назвал для себя «гаденьш интернетный». Он, на мой взгляд, заслуживает отдельного глубокого изучения, поскольку среди прочего является, как мне кажется, существенным признаком деградации рода человеческого.

Речь о тех, кто гадит в интернете «по воле сердца», проявляя своеобразный садизм, в виде получения удовольствия (самоутверждения), путем принесения мучений другим. Для таких сам процесс «нагадить» становится, в конечном счете, смыслом жизни.

Причем я не делал бы различий в моральных, религиозных, политических, спортивных, культурологических, сексуальных и иных пристрастиях «интернет-гаденьшей». В этом смысле для меня не имеет различия, кто анонимно тявкает на окружающих — атеист или иудей, «левак» или «либерал», «гей» или «традиционалист». Объединяет анонимов то, что все они гадят, делают это по собственной воле и, вероятно, получая при сем занятии особое удовлетворение.

Но разве такого рода людишки появились только сегодня? Нет, конечно! На развалинах древней Помпеи еще можно различить подленькие надписи и рисунки древних анонимов в адрес конкретных сограждан. Предтечи кибернетических «фэйков», «троллингов» и банального анонимного злословья можно обнаружить и на шумерских клинописных табличках, и среди египетских иероглифов времен фараонов, и на пергаментях средневековых летописцев.

Правда, в наше время написанное в сети становится одновременно доступно всему человечеству. При этом анонимность автора и его безнаказанность резко отличается от того, что было еще сравнительно недавно. Во всяком случае, мой дед успел застать поколение тех, кто защищали свою честь на дуэлях, а сам я хорошо помню, как можно было схлопотать реальный срок за оскорбление личности.

Теперь сетевой хомячок, спрятавшись за спины провайдеров и многочисленные псевдонимы, огражден от вызова на дуэль, обыкновенной пощечины, «товарищеского суда» или беседы в прокуратуре. Его мелкие желания мгновенно реализуются простым нажатием кнопочек. Для «кликанья» нет нужды в образовании, жизненном опыте, муках творчества. Единственное, что действительно нужно для пополнения рядов «гаденьшей» — отсутствие совести и чести. Интернет же, словно гигантский архимедов рычаг, способен многократно усилить эти деяния, придать им глобальный характер.

Теперь о «качественном скачке» в направлении общественной деградации. Не нужно быть маститым экспертом-криминалистом, чтобы нарисовать типичный психологический портрет такого нарушителя человеческого общежития.

Как правило, подобные экземпляры — неудачники во всем или почти во всем, но с комплексами наполеонов. Они обижены на весь мир, который не признает их «talанты» и не восхищается самим фактом их существования. Моральных тормозов у них нет и, возможно, никогда не было. Зато есть очевидная трусость и готовность к асоциальному поведению. В большинстве своем эти субъекты не имеют какого-либо системного образования или достойного ремесла. Они обычно ленивы и вне сети — малообщительны. Зато интернет для них — это больше, чем реальность, это их мир, как им кажется. Поэтому любое покушение на несдозволенность в виртуальном зазеркалье воспринимается человекоподобными как «покушение на права человека» и недопустимую в «демократическом обществе» цензуру.

Теперь представим себе, что доля подобного рода особей среди населения Земли начинает возрастать в геометрической прогрессии. Впрочем, так оно и есть, к великому сожалению. Множится и приносимое ими зло. С учетом развития информационных технологий

грань между реальным и виртуальным миром стирается, а численность обитателей сети возрастает.

Всего лет десять назад речь шла о миллионах. Теперь только число официальных пользователей интернета в мире стремительно приближается к 3 млрд человек, а это уже практически каждый второй взрослый землянин. У нас в России из 140 млн человек более 80 % пользуются интернетом.

Можно ли обуздать размножение гаденьша интернетного, уменьшить его деструктивную роль в обществе? Уверен, что не только можно, но и нужно.

Для начала пора перестать относиться к этому как к невинным забавам современных недорослей и перестать считать интернет чем-то отличным от традиционных мест человеческого общения, или же «общественных мест», как пишется у юристов. Отсюда и наказания за такие «шалости» следует вводить подобные тем, что следуют за хулиганство (по крайней мере, если нет иных составов преступления).

Но только то, что это безобразие произошло именно в сети, должно быть, по моему убеждению, отягчающим вину обстоятельством.

2. ПРАКТИКИ ТОЛЕРАНТНОСТИ И ИНТОЛЕРАНТНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СМИ

2.1. Практики и функции конструирования медийного образа врага

Враг — это конструируемый в текстах СМИ образ опасного и враждебного *другого*, которому необходимо противостоять.

О враге, существующем в реальности, мы можем с уверенностью говорить в условиях открытого военного столкновения, объявленной войны. Во всех других случаях, когда военных действий нет, приписывание кому-либо статуса врага — это предположение или метафора. Однако на деле ищут и находят врагов во многих мирных ситуациях, потому что наличие врага — это удобный и понятный способ объяснения самых разных сложных проблем и ситуаций. Все люди с детства любят истории и легко их запоминают, стандартное построение истории (сказки, остросюжетного фильма, исторического повествования) обычно включает несколько участников: жертва, которая страдает; враг, причиняющий страдания жертве; герой, который побеждает врага и спасает жертву. Эта схема годится для интерпретации почти любого события и очень часто применяется в СМИ. Очевидно, что на роль врага лучше всего подходят *другие* — внешний *другой*, мечтающий захватить территорию *своих* и ее богатства, или внутренний *другой*, подрывающий единство *своих* изнутри.

Враги в СССР: экскурс в историю медийного образа

Дадим краткий обзор того, каких врагов находила и описывала советская пресса с 20-х по 80-е гг. XX в., потому что многие сформированные тогда образы так или иначе встречаются в современных публикациях СМИ.

Внешние враги были, можно сказать, постоянными персонажами в советской прессе, так как место Советского Союза в мире определялось через противопоставление первой в мире страны

победившего социализма всем остальным — капиталистическим — странам. Часто и много писали о том, что СССР находится в кольце врагов, что страна является осажденной крепостью. Эти утверждения, с одной стороны, подкреплялись событиями Первой мировой войны, Великой Отечественной войны, с другой — в периоды мирного времени описание враждебности других государств было во многом метафорическим, как если бы реальные военные действия продолжались или ожидалось с минуты на минуту.

Внутренним врагам в советский период уделялось не менее пристальное внимание. Многие неудачи социалистического строительства, трудности в промышленности, сельском хозяйстве объяснялись действиями скрытых врагов, которые прячутся среди *своих*.

В 1920-е гг. опасными врагами считали белогвардейцев и других «бывших» — тех, кто благополучно жил в царской России и, предположительно, не мог радоваться смене власти, новому государственному строю. Не только в прессе, но и в художественных произведениях, кинофильмах того времени немало таких отрицательных образов. С началом коллективизации сельского хозяйства много стали писать о враждебности кулаков — зажиточных крестьян, противящихся организации колхозов, они быстро превратились в раскулаченных и сосланных, а еще одна разновидность внутренних врагов была названа подкулачниками: это те, кто выказывал сочувствие к раскулаченным, лишенным дома и имущества, отправленным вместе с семьями на новое поселение. Таким образом пресса создавала атмосферу идеологической нетерпимости к любому неодобрению, несогласию с политикой партии большевиков, к любой критике действий новой власти.

Аналогичные подходы использовали журналисты для описания ситуации в промышленности, когда в 30-е гг. XX в. развернулась широкая индустриализация. Действиями внутренних врагов — саботажников, вредителей — объяснялись все неудачи: невыполнение производственных планов, аварии на шахтах и заводах. Население постоянно призывали к бдительности: поиску вредителей, иностранных шпионов, их пособников — клеветников и паникеров, не верящих в успехи советской власти. Важно подчеркнуть, что атмосфера подозрительности и поиска врагов нагнеталась в том числе для оправдания массового террора

30-х гг. с репрессиями в отношении миллионов граждан, с показательными процессами над видными партийными деятелями, военачальниками, объявленными врагами народа и иностранными шпионами. Впоследствии большинство раскулаченных, сосланных, расстрелянных, отправленных в лагеря было реабилитировано. Анализ документов показал, что их дела были сфабрикованы, признательные показания они давали под пытками. То есть наличие множества врагов, о которых писала пресса, не соответствовало действительности, зато таким образом для читателя конструировали «идеологически правильный» мир, в котором не было невыполнимых, завышенных планов производства, не было некомпетентных руководителей, пренебрегавших техникой безопасности, что и вызывало гибель шахтеров и других рабочих, не было неэффективных колхозов в сравнении с эффективными личными хозяйствами. Враг был универсальной причиной всего плохого, и это удобная и простая схема объяснения мира.

Период Великой Отечественной войны и послевоенное десятилетие были отмечены в прессе другими образами внешних и внутренних врагов. Помимо солдат вражеской армии, сообщалось о многочисленных шпионах и диверсантах в тылу советской армии. Врагами считались и те советские бойцы, кто попал в плен в период войны, на них возлагалась личная ответственность за то, что не погибли на поле боя, это расценивалось как трусость, предательство и измена.

Только после разоблачения в 1956 г. культа личности Сталина в фильмах, книгах, в прессе появился другой взгляд на пленных — были созданы произведения о героизме и трагедии этих людей, в том числе знаменитый рассказ М. Шолохова «Судьба человека». Постепенно стали более доброжелательно изображать и тех, кто оказался в рядах белой гвардии во время гражданской войны, кто уехал за границу после нее. Это наглядная иллюстрация того, что схемы, по которым описывается мир журналистами, писателями, авторами кинофильмов, не являются зеркальным отражением реальности, они часто подчиняются умозрительной идее, черно-белому делению на *своих* и *чужих, врагов*. Когда эти схемы меняются, становится более очевидным зазор между верой в то, что журналисты пишут только так, как было «на самом деле», и теорией конструирования реальности в СМИ, когда тексты

строятся с помощью повторяющихся практик создания персонажей и событий по заранее выработанным схемам.

Стоит сказать несколько слов о типичных врагах в советских СМИ в 1960–1980-е гг. Во времена холодной войны центр противостояния с капиталистическим миром оказался в идеологической сфере, и много публикаций было посвящено борьбе, как тогда писали, с тлетворным влиянием Запада: музыкой, танцами, стилем одежды. В связи с этим осуждались *стиляги*, *пижоны* и вообще все, кто много внимания уделял внешнему виду и развлечениям. За стремление лучше обустроить быт, приобрести модную мебель и т. п. можно было получить ярлык *мещане* — приземленные люди, не имеющие высоких, духовных интересов. Журналисты много клеймили и *сектантов*, ведь атеизм был частью марксистско-ленинской государственной идеологии, тогда был задействован надолго сохранившийся образ верующих из небольших религиозных групп как опасных манипуляторов, использующих чью-то слабость или беду в корыстных целях. Отдельной группой внутренних врагов для государства стали *диссиденты* — люди, не согласные в чем-то с официальной идеологией. По этому поводу был ряд судебных процессов, широко освещавшихся в прессе, — суд над поэтом Иосифом Бродским, писателями Юрием Даниэлем и Андреем Синявским. Писатель Александр Солженицын, диссидент, активно критиковавший коммунистические идеи, политический строй СССР и действия его властей в 1960–1970-е гг., в 1974 г. был арестован, обвинен в измене Родине, лишен советского гражданства, а затем выслан из СССР. Процессы над диссидентами, сопровождавшиеся множеством публикаций в СМИ, демонстрировали, что несогласие с советской властью, критика политики коммунистической партии и правительства СССР приравниваются к измене Родине. Но по сравнению со сталинскими временами отношение к внутренним врагам в 1960–1980-е гг. все-таки было гораздо мягче.

С точки зрения практик толерантности в СМИ важно, что отработанные десятилетиями схемы конструирования реальности в СМИ, когда все хорошее и правильное делают *свои*, а если что-то не получается, то за плохое вся ответственность на врагах, очень устойчивы, их продолжают и сегодня использовать для описания сложных социальных проблем.

Практики формирования образа врага

Выбор и описание персонажей СМИ как врагов, даже простое их перечисление строятся, как мы уже сказали, по определенным правилам, жестким схемам. В контексте проблем толерантности мы перечисляем основные практики создания образа врага, чтобы сделать их очевидными, научить им противостоять, определять их функции.

О враге всегда говорят обобщенно, его не индивидуализируют, избегая конкретных деталей: *5 июня в Актобе несколько десятков человек ограбили два оружейных магазина, затем, захватив пассажирский автобус, попробовали атаковать воинскую часть. Атака была отбита, однако часть нападавших (по данным МВД Казахстана, их было не менее 27 человек) скрылась в неизвестном направлении. Представитель МВД Казахстана Алмас Садубаев заявил, что нападавшие, предположительно, являются «радикальными приверженцами нетрадиционных религиозных течений».* Чаще всего имена участвовавших в таких событиях так и не сообщаются в прессе, враг в лице конкретных преступников остается неизвестным массовой аудитории.

Неконкретность изображения врага важна еще и потому, что, как считается, для выполнения задач мобилизации аудитории конструируемый образ врага должен исключать детали, которые могут вызывать к нему сочувствие или уважение, часто его образ вовсе лишается человеческих черт: *Нельзя дать этим гадам почувствовать, что они властны что-нибудь изменить в великом обществе.*

Врага изображают абсолютно *другим*, поэтому он выглядит непредсказуемым, не подчиняющимся правилам, следовательно, с ним нельзя договориться: *Никаких переговоров с убийцами, которые повинны в смерти стольких человек!*

За счет неконкретности образа врага, акцента на непредсказуемости его действий усиливается ощущение исходящей от него опасности, и это его сущностная черта — опасность для всего общества *своих*, как это происходит, например, при сравнении врага с дьяволом или фашистами. Чувство опасности, исходящей от врага, у адресата журналистских публикаций вызывают номинации, указывающие на преступные действия или намерения: *преступники, бандиты, убийцы*. На опасность указывают и обозначения врагов

как нечеловеческих существ: *нелюди, дьявол, джинн, гады, бациллы*. Пример устрашающей характеристики врага: *Нам нужна победа в борьбе против Мирового Дьявола*.

Когда конструируют врага, ему обязательно приписывают аморальность, следование антиценностям, чтобы подчеркнуть его радикальное отличие от *своих*, наших, которые по умолчанию предполагаются хорошими людьми: *Эти европы навязывают нам педерастию, педофилию и прочий-прочий разврат. Речь о том, чтобы отбиться от этой духогубительной европейской идеологии. Вот, глянь на снимок, который только что сделан с экрана моего телевизора. Вот эта мерзость лезет в мой дом круглосуточно и со всех каналов. Она лезет в души наших детей, выжигая в них все хорошее*.

Конструирование образа врага всегда призвано способствовать победе над ним, поэтому неизменно подчеркивается, что враг слабее тех, кто ему противостоит: *Все равно самоуверенный и наглый враг понял свое поражение, сдулся и стал жалок*.

Функции образа врага в средствах массовой информации

Почему враг — это очень популярный персонаж? Что делает его таким живучим и востребованным для объяснения окружающей реальности? Начнем с того, что само по себе внимание к врагам, их поиск в мирное время может быть симптомом социального неблагополучия. Образ врага часто становится актуален, когда в обществе накапливается социальное напряжение, причем источники его не всем и не всегда очевидны. Прочитируем текст Михаила Фишмана из газеты «Ведомости» (качественного издания для образованной публики) как пример анализа неясной обстановки, в которой начинают искать врагов: *Все ждут неприятностей. Кризис — вот лейтмотив любого ответственного прогноза. Его понятная формула: упадет цена на нефть, вслед за ней — социальные гарантии, а затем улица перейдет в наступление. Значимых темпов роста нет с осени 2008 г., и накапливаемая годами общественная фрустрация просачивается наружу, раздражение растекается по стране. Это беспокойство неосмысленно, оно носит смутный характер. Грубо говоря, людям ясно, что все*

не так, как должно быть. Озлобленному человеку, чтобы сорваться, достаточно конкретной причины.

Эту картину дополняет громкая трагическая история Жанны Суворовой, которая в московском Бирюлеве сбила насмерть двух молодых людей, внезапно выскочивших под колеса. Толпа едва не разорвала девушку на части. Авария — ужасный несчастный случай — переросла в беспорядки. Судя по всему, едва ли не основным их мотивом было подозрение, что виновница откупится от возмездия. Mercedes (видимо, важно, что это был именно Mercedes), в котором она укрылась, громили под тем предлогом, что ее необходимо сфотографировать. Где проходит граница между линчеванием, погромом и бунтом? Есть опасность, что бирюлевская драма представляет собой модель развития социального кризиса в России. Кстати, когда выяснилось, что погибшие связаны с фанатским движением, Суворову трусливо оставили под арестом.

Но еще важнее, что чем дальше, тем отчетливее проступают контуры группы риска. Это приезжие, до которых никому нет дела и за которых некому заступиться. И это состоятельный средний класс, который живет без охраны и без мигалок и тоже не умеет за себя постоять. В общем, все те, кто не умеет атаковать или защищаться [12].

Массовые СМИ, рассчитанные на самые широкие круги населения, вместо рационального анализа общественных отношений чаще подыгрывают тревожному эмоциональному состоянию своей аудитории и предлагают ей простое объяснение: во всех проблемах виноваты враги. Подбирают на эту роль тех или иных *других*, не наших. Это рождает еще одну, прикладную функцию образа врага — контактоустанавливающую. Для установления контакта журналиста с аудиторией не случайно упоминание врагов и чужих в начале текста, на уровне заголовочного комплекса. Приведем примеры таких заголовков: *Цыганская жена торговала героином; Солдаты-дагестанцы избивают офицеров; Секта во дворце — дети на улице*. Интолерантность здесь используется для установления общности автора и его гипотетического адресата на основании различия «мы не такие, как они».

Другая важная функция образа врага — формирование с его помощью противопоставления *мы/они*. Если враг предстает как угроза существованию мы-группы, ее базовым ценностям, то вера

в его существование — важный фактор для сплочения, мобилизации всех членов сообщества, когда считается благом отказаться от внутренних различий и сосредоточиться на единстве.

Образ врага призван подтверждать моральную правоту мы-группы, *своих*. На внутреннего врага из числа наименее своих или чужих возлагается ответственность за социальное неблагополучие в разных сферах, например, за высокий уровень преступности (когда в текстах на криминальные темы подчеркивается, что преступления совершают этнически чужие, неграждане России, приезжие из других регионов), за безработицу (якобы мигранты отнимают рабочие места у местных жителей) и т. д. *Свои* предстают неизменными жертвами якобы всегда сознательных и целенаправленных действий врагов. Поэтому врагам приписываются сугубо негативные моральные качества: *убийцы, негодяи, самоуверенные, наглые* и т. д. Аморальность врага и его выведение за пределы человеческого сообщества помогают поддерживать коллективную идентичность мы-группы: *Мы сможем дать отпор этим бациллам.*

Образ внешнего врага часто востребован, чтобы выявить внутренних врагов, провести символические границы внутри мы-группы. Вот пример, где ищут врагов в сфере поп-культуры: *Сегодня в боях за юные души побеждают не Бичевская и Городницкий, а всякая иноземная и внутренняя черная саранча со своей грязной идеологией. Потому наркомания, алкоголизм и прочее пагубное убивает по всей стране. Потому, товарищ ты мой, Грачева, я очень желаю тебе, как сознательному бойцу идеологического фронта, более чутко определять где наши, а где есть контра. И Бичевская очень даже наш человек.*

Образ врага всегда предполагает образ спасителя, и важно, кто на эту роль претендует, например, в период политических выборов. Предполагается солидарность и сплочение вокруг лидера, который гарантирует безопасность, благополучие своим избирателям: *Последние годы Свердловская область живет спокойно, созидательно — но это-то спокойствие кое-кому покоя как раз и не дает. ...Не секрет, что уральские заводы мешают многим силам — и в России, и в странах ближнего зарубежья... Но страшнее всего то, что ради достижения своих политических целей некоторые высокопоставленные деятели готовы пожертвовать интересами области, отдать промышленные сокровища Урала на откуп своим*

спонсорам... Областная Дума не должна стать прибежищем антиуральских сил, штаб-квартирой ставленников всемирной олигархии. Кандидат в депутаты С. Паратов готов последовательно бороться за интересы всех жителей области.

В некотором смысле образ врага всегда востребован, так как выполняет важную идеологическую функцию: маскирует неустрашимые социальные противоречия. Любая идеология утверждает возможность социальной гармонии, создания общества всеобщего благоденствия. Однако современные теории общественного устройства рассматривают социальный антагонизм, неустрашимые противоречия между отдельными людьми и между социальными группами как постоянную характеристику социальной жизни. Так вот, одна из важнейших функций идеологии — маскировать путем конструирования приемлемой картины реальности неустрашимый, травмирующий сознание социальный антагонизм. Значительную часть этой работы выполняют именно СМИ. У них есть способ учесть невозможность реального достижения социальной гармонии: наличие проблем каждый раз объясняется существованием врага (внешнего или внутреннего), который мешает достижению декларируемых социальных целей. Именно на этого врага как противостоящего *нам, своим* возлагается ответственность за недостижимость обещанной политиками и журналистами гармонии. Так, в нацистской Германии антисемитизм являлся необходимой составной частью официальной идеологии, потому что именно евреи были объявлены виновниками всех бед, и этим оправдывалось их массовое уничтожение.

РЕКОМЕНДАЦИИ ЖУРНАЛИСТАМ

Идеологическая эффективность фигуры врага несомненна. Однако если всерьез искать пути решения актуальных общественных проблем, то будет более продуктивным не выдумывать врагов, а обращаться к экспертам за глубоким социологическим, экономическим, политическим анализом положения дел, выявлять объективные противоречия и искать пути их решения.

Стремясь быть толерантными, журналисты не могут игнорировать образ врага, особенно когда он популярен среди аудитории,

но могут раскрывать перед своим адресатом сложность и неоднозначность стоящих перед обществом проблем — это и будет одним из проявлений толерантности.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Проанализируйте текст. Какие из перечисленных врагов наиболее часто упоминаются в сегодняшней российской прессе? Назовите два конкретных, актуальных информационных повода, где журналист может объяснить проблему наличием врагов. К каким экспертам нужно обратиться, чтобы получить взвешенный социально-экономический анализ ситуации, позволяющий наметить способы выхода из сложного положения без поиска врагов?

Полный список врагов России

Число тех, кто угрожает нашей стране, растет с удивительной быстротой. Пожалуй, не больше десятка позиций унаследовано от ельцинской эпохи, а все остальное добавилось после, причем большей частью за последние годы.

В книге Андрея Ланькова «КНДР вчера и сегодня. Неформальная история Северной Кореи» приводится полный список категорий граждан, которые в этой стране официально считаются врагами. Столь проработанной и исчерпывающей классификации не было, надо признать, ни в сталинском СССР, ни в нацистской Германии. Корейцы потрудились на славу, выделив целых 30 позиций, по которым того или иного человека следует относить к числу врагов.

В современной России за последние годы буквально месяца не проходит, чтобы в общественном сознании не сформировалось представление об очередном враге, про которого раньше обыватель и не задумывался. Наверное, в СМИ можно было бы даже ввести рубрику «Враг месяца».

Когда я начал составлять список врагов России, так или иначе «отмеченных» в сознании масс, то полагал, что он может достичь по числу позиций половины корейского списка. Но вскоре с ужасом вынужден был констатировать наше бесспорное лидерство. Совместными усилиями власти и оппозиции, парламентариев от различных фракций, а также простых безымянных ксенофобов, гомофобов и всяких прочих «фобов» мы превзошли даже сторонников идеологии чучхе.

Итак, с некоторым трепетом я представляю читателю итоги своих обобщений. Ссылок на источники не даю, чтобы статья не превратилась

в монографию, но каждый интересующийся может поискать любую из нижеприведенных позиций и обязательно обнаружит в интернете много интересного.

1. Олигархи.
2. «Либерасты».
3. Экстремисты.
4. Матерщинники в СМИ.
5. Пираты-экологи.
6. НКО, занимающиеся политикой.
7. Гомосексуалисты.
8. Педофилы и порнографы.
9. Ученые-шпионы (разгласители государственных тайн).
10. Деятели «лихих девяностых».
11. Мигранты: 1. Лица «кавказской национальности» (граждане РФ); 2. Лица, проникающие в РФ благодаря безвизовому режиму;
3. Лица, рожаящие больше детей, чем разрешает В. Жириновский.
12. Лица, отрицающие нашу победу в Великой Отечественной войне.
13. Лица, призывающие к расчленению России.
14. Сепаратисты (не призывающие, а действующие): 1. Стремящиеся отделить Чечню; 2. Стремящиеся отдать Японии Курильские острова; 3. Стремящиеся отдать Латвии Пыталовский район.
15. Лица, подкупленные: 1. М. Ходорковским; 2. Госдепартаментом США.
16. Агенты ЦРУ.
17. Наркозависимые граждане.
18. Слишком независимые граждане.
19. Поставщики: 1. Молдавских и грузинских вин; 2. Боржоми;
3. Рижских шпрот; 4. Литовских молочных продуктов; 5. Белорусских молочных продуктов; 6. Украинского шоколада.
20. Странники вхождения Украины в Евросоюз.
21. Прихватизаторы, продавшие Россию: 1. Оптом «дяде Сэму»;
2. В розницу прочим плохим дядям.
22. «Секта Навального».
23. Представители тоталитарных сект.
24. Чиновники и политики: 1. Имеющие счета за границей; 2. Имеющие недвижимость за границей; 3. Не имеющие ни стыда, ни совести;
4. Входящие в партию жуликов и воров
25. Члены кооператива «Озеро».
26. «Коммуняки».
27. «Кровавая гэбня».
28. «Банда Ельцина».
29. Не наши (т. е. те, кому противостоит движение «Наши»).

30. Не местные (т. е. те, кому противостоит движение «Местные»).
31. Политологи, которых надо скормить зверям в зоопарке.
32. Социологи, которых прикармливает власть.
33. Журналисты, виноватые сразу во всем.
34. Лично Анатолий Чубайс, который вообще виноват абсолютно во всем.

Наверняка я ряд важных позиций упустил, но внимательные читатели смогут этот список дополнить самостоятельно.

Вообще-то, надо признать, что общество, у которого столько врагов, находится в опасном положении. Но отнюдь не из-за того, что враги совершат агрессию, а по той причине, что каждая из точек потенциальной напряженности может превратиться в реальный конфликт, где люди, не осознающие истинных причин мучающих их проблем, начинают «мочить» друг друга в надежде то ли получить реальное облегчение, то ли просто выместить накопившуюся злость.

При ближайшем рассмотрении проблема оказывается не столь серьезной. В ряде случаев имеет место, скорее, имитация противостояния. Врага придумывают отнюдь не из ненависти, а для того, чтобы решить какую-то частную проблему. Как говорится, ничего личного — только бизнес.

Самая очевидная причина создания врагов — это получение финансирования. Если оказывается, что родине кто-то угрожает, мы создаем организацию для ее защиты, а затем начинаем претендовать на выделение государственных или окологосударственных средств, помогающих с врагами бороться.

Другая причина появления врагов тоже связана с деньгами. Любые запреты на поставку «недоброкачественных» продуктов приводят к переделу рынка. Дефицита не возникает: освободившиеся ниши сразу же занимают конкуренты, которые, возможно, сами и позаботились о возведении санитарных кордонов на границе. И прибыль, соответственно, поступает в карманы этих предусмотрительных конкурентов.

Третья причина внезапного появления врагов состоит в том, чтобы напугать обывателя и заставить широкие массы сплотиться вокруг того, кто готов их от этого врага защитить. Подробный прием, кстати, может использоваться и властью, и оппозицией. Однако опасность такого рода действий состоит в том, что испуг обывателя должен быть неподдельным. И если политики перестараются в запугивании народа, то дело может кончиться погромами.

Впрочем, главная опасность возникновения массовых столкновений вытекает не из конфликтов, искусственно конструируемых ради получения денег или власти, а из конфликтов, возникающих естественным образом. Конфликт на овощной базе в Бирюлево — как

раз из числа таких. Понятно, что в нем участвовали и те, кто хочет денег, и те, кто хочет власти. Но их своеобразный бизнес вырос не на пустом месте, а на почве, хорошо удобренной реальным межэтническим противостоянием.

Наконец, есть еще одна, наиболее широкая зона ненависти. Это ненависть к свободе, или, точнее, страх свободы, порождающий ненависть к «либерастам». Либерализм вообще-то очень простое мировоззрение, сводящееся к тому, что человек должен быть свободным. Что здесь, собственно, ненавидеть? Однако еще Достоевский в «Легенде о Великом Инквизиторе» показал, насколько трудно запуганному обывателю вынести свободу. А в XX в. психолог Эрих Фромм научно проанализировал эту проблему в книге «Бегство от свободы».

Чтоб вынести свободу и чтоб использовать ее для самореализации, надо быть личностью. А тот, кто личностью стать не может, естественным образом видит врага во всяком, чье поведение не вписывается в традиционные нормы. И в этом смысле именно неприятие «либерастов» наиболее характерно для модернизирующегося общества, где миллионы людей вынуждены искать себе новые нормы поведения взамен уходящих в прошлое. Если такому обществу удается перейти от поиска врагов к работе на созидание, оно становится развитым. Если не удастся, оно погружается в хаос.

*Дмитрий Травин, профессор
Европейского университета в Санкт-Петербурге
(Текст дан в сокращении)*

2.2. Практики конструирования *чужих* в СМИ (на примере трудовых мигрантов)

Чужой — характеристика *другого*, возникающая в ситуации расхождения или несовпадения каких-либо черт другой культуры с теми, что приняты в своей культуре; обычно таким отличиям приписывается моральная значимость, а *чужих* воспринимают как однородную сплоченную группу без внутренних различий. Словарные толкования слова «чужой» также показывают, что в самом значении слова присутствует семантика постороннего, далекого по духу, взглядам. В контексте противопоставления *чужим* со смыслом *свои* обычно сопрягается положительная оценочность. Сам факт сравнения с *чужими* эту положительную оценку *своих* призван усилить.

Почему не любят *чужих*?

Социолог Зигмунт Бауман указывает, что противопоставление *своих* и *чужих* строится не столько на объективных различиях, сколько на разных психологических установках. *Свои* вызывают чувство безопасности, доверия, от них ждут солидарности, готовности помочь, сочувствия. *Чужие*, напротив, чаще вызывают страх, подозрительность, антипатию [13].

Мир *чужих* часто не дифференцируется, за границами своего круга многие видят однородную опасную область неизвестных возможностей: *чужие* представляются как инакомыслящие, инакочувствующие, инакодействующие.

Есть и другие причины для беспокойства. В ситуации соседства с *чужими*, особенно если они приехали с других территорий, мы вынуждены постоянно делать сравнения своего и чужого, а это рождает дискомфорт. У чужаков иные привычки и обычаи, и если наш образ жизни не единственный, подрывается уверенность в его полной безопасности и надежности. Кроме того, многим кажется, что есть какие-то особые качества у чужаков, не испугавшихся покинуть собственную территорию и поселиться в недружелюбной среде. Они выглядят конкурентами за жизненные блага на *нашей* территории. А вдруг у них есть какой-то секрет выживания вдали от *своих*? И мы опять оказываемся в пространстве иррациональных, далеких от логики и фактов опасений.

Очень многие люди хотели бы жить в однородной культурной среде. Стремление избежать беспокоящих сравнений и необходимости учитывать обычаи и привычки *других* приводит к поиску, как сохранить незыблемую границу между *своими* и *чужими*. Например, применительно к трудовым мигрантам, приезжающим из-за рубежа, периодически обсуждается, в том числе в СМИ, как бы организовать жизнь приезжих в специальных анклавах, обеспечивающих их территориальное и духовное отделение; предлагается жесткое ограничение сроков пребывания иностранных работников; периодически звучат призывы к отправке «понаехавших» обратно на родину.

Между тем реальный этнический состав мигрантов, приехавших в Россию начиная с 90-х гг. XX в., после распада СССР, не подтверждает тезис, что все приехавшие — культурно чужие.

Во-первых, абсолютное большинство составляют русские, приехавшие из бывших республик СССР. Во-вторых, среди других мигрантов также преобладают граждане государств, возникших на постсоветском пространстве, где в течение 70 лет действовала одна система образования и была единая идеология, во многом единая культурная среда, так что общих черт с россиянами немало.

Однако трудовых мигрантов, приезжих маркируют как *чужих*, прежде всего, по внешним отличиям. По данным социологов, чаще всего граждане России при слове «мигранты» вспоминают «кавказцев», причем не считают важным различать, россияне ли это из автономных республик Северного Кавказа или граждане иностранных государств. Вторая большая группа трудовых мигрантов получила в России обобщенное наименование «таджики» — это люди, приехавшие из стран Средней Азии (включая граждан Узбекистана, Кыргызстана, Казахстана). Именно они во многом символизируют трудовую миграцию вообще, и слово «таджик» часто употребляется как синоним «гастарбайтера». Третья различимая группа — «китайцы», так обычно называют всех приехавших на заработки из Юго-Восточной Азии, включая, например, вьетнамцев и корейцев.

Типичные фобии россиян по отношению к трудовым мигрантам

Сегодня в российских СМИ чаще всего обсуждают опасения относительно мигрантов, приехавших с Северного Кавказа (несмотря на то, что в этом случае речь идет о российских гражданах), а также выходцев из государств постсоветского пространства: Азербайджана, Грузии, Армении, Таджикистана, Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана.

По отношению ко всем им называют одни и те же раздражающие признаки. Многие не хотят слышать рядом чужую речь, неприязненно воспринимают одежду в традициях исламской культуры. По-разному воспринимаются религиозные обряды, особенно публичные. Иной образ семейной жизни также называют среди раздражающих факторов. Хотя очевидно, что все перечисленное не носит враждебного или опасного характера — это просто черты иной этнической и религиозной культуры.

С источниками раздражения тесно связаны негативные стереотипы о *чужих*. (Напомним: стереотип — это обобщенное представление о поведении какой-либо группы или большинства ее членов. Противоположные, более соответствующие действительности утверждения строятся по формуле «некоторые, но не все».)

Исследователь из Нидерландов Т. А. ван Дейк утверждает [14], что с разными группами *чужих* связывают одни и те же стереотипы: якобы все чужаки, приехавшие в *нашу* страну извне, пренебрегают правилами гигиены, разносят инфекции, распространяют вредные идеи и привычки, нарушают общепринятые нормы морали. Вера в такие обобщения позволяет противопоставлять они-группу («плохих» *чужих*) мы-группе («хорошим» *своим*).

Возрастание количества трудовых мигранта из регионов Кавказа и Азии рассматривается как угроза утраты однородной культурной идентичности, о чем мы уже писали выше. Вообще, количество и качество межкультурных взаимодействий в современном мире, конечно, возрастает, это часть процессов глобализации. Однако несправедливо усматривать в этом лишь негативные следствия. Взаимодействие разных культур всегда имеет и положительные результаты, однако фобии пока преобладают.

В переселившихся в Россию представителях разных этнических групп кое-кто готов увидеть оружие в якобы имеющей место демографической войне против русских, хотя статистика это не подтверждает: на территории Российской Федерации русские — абсолютно преобладающий этнос.

Межрелигиозные взаимоотношения тоже вызывают у многих беспокойство, некоторые говорят об угрозе исламизации России. Исторически в России давно живет заметное число мусульман (сегодня, по разным оценкам, от 15 до 20 млн человек), и до увеличения миграционных потоков это не обсуждалось как проблема. Сегодня ситуацию осложняет взгляд на ислам как на однородное радикальное религиозное течение, что также не соответствует действительности: внутри ислама множество разных учений, и радикальные, готовые к терроризму фанатики составляют абсолютное меньшинство. От их терактов в первую очередь гибнут представители мусульманского мира — в Сирии, Ираке, Пакистане, Афганистане, Турции...

Публикации о трудовых мигрантах в СМИ

Российские СМИ много пишут о криминальной угрозе со стороны мигрантов (распространение наркотиков и др.), и эта гипотеза, вопреки статистике, поддерживается за счет практик работы журналистов с источниками информации и приемов ее подачи: в криминальной хронике, которую передают в СМИ правоохранительные органы, отдельно фиксируются случаи, когда правонарушитель — гражданин другого государства (то есть трудовой мигрант) или представитель определенной этнической группы, — более пристальное внимание получают, например, цыгане, выходцы с Кавказа. При совершении аналогичных преступлений другими жителями России этот факт просто не отмечается и никак не комментируется. В итоге из сообщений СМИ складывается впечатление, что *наши* всегда жертвы *чужих* преступников. Ср. заголовки: *Рабочие-узбеки убили двух русских парней во время драки; В Москве двое граждан Кыргызстана избили и ограбили москвича.*

В целом, публикации о трудовых мигрантах в СМИ образуют противоречивую картину, в том числе с точки зрения толерантности. Условно их можно поделить на три группы.

В первую входят тексты с толерантной позицией авторов, мигранты здесь изображаются как дискриминируемое меньшинство, те, кто нуждается в поддержке, например: *В Москве осталось всего пять «Школ русского языка» для детей мигрантов, и лишь две из них — бесплатные.*

Вторую группу составляют тексты с выражением прагматически толерантного отношения: мигранты полезны для российской экономики, поэтому с их присутствием следует мириться. Во многих случаях в таких публикациях пишут о мигрантах как об однородной массе рабочей силы: *Сенатор Джабаров: мигранты нам нужны, но они должны платить налоги.*

Наконец, в третьей группе текстов открыто заявляется интолерантная позиция в отношении мигрантов как опасных, несущих угрозу: *СМИ сообщили о драке мурманчан и мигрантов в ночном клубе; Онищенко: У таджикских мигрантов выявляют опасные инфекции.* Именно в таких публикациях тема трудовой миграции и якобы порождаемой миграционными процессами национальной напряженности сильно мистифицирована. В первую очередь здесь

делают акцент на негативных последствиях нелегальной миграции. И затушевывается то обстоятельство, что решение проблемы нелегально проживающих и работающих в России мигрантов невозможно без борьбы с теми, кому их нелегальный статус выгоден. Это не столько проблема, связанная с этнокультурными отличиями недавно приехавших или их якобы криминальными наклонностями, сколько вопрос из сферы политики и экономики.

Трудовая миграция — масштабный социально-экономический процесс со своими плюсами и минусами. Преобладание либо бонусов, либо издержек зависит от эффективности правового регулирования этой сферы. Здесь есть давно известные способы решения, например, введение визового режима с государствами, откуда приезжает большинство мигрантов. В качестве главной проблемы, касающейся трудовых мигрантов в России, экономисты и политологи указывают коррупцию. Наиболее коррупциогенными называют экономические сферы, в которых привлечено наибольшее количество рабочих-мигрантов: торговля, строительство, муниципальные и городские службы ЖКХ. Недобросовестные наниматели используют труд мигрантов, чтобы положить в карман разницу в стоимости нелегальной и заявленной в сметах легальной рабочей силы. Заинтересованностью многих в сохранении значительного неформального сектора российской экономики и объясняют специалисты противоречивость российской миграционной политики. А борьба с миграцией, прежде всего в виде различных ограничений для мигрантов, предлагается напоказ в качестве ответа на анти-мигрантские настроения населения, но не согласуется с экономической реальностью.

Эта ситуация — наглядный пример того, что обычно в основе интолерантности к *чужим*, в данном случае к трудовым мигрантам, лежат вовсе не социокультурные и уж тем более не моральные отличия от *своих*, а неэффективные административно-правовые механизмы, обусловленные политической и экономической борьбой за ресурсы и источники дохода. Настоящие проблемы маскируются за счет поверхностных публикаций в СМИ о якобы плохих, невостребованных, аморальных мигрантах.

РЕКОМЕНДАЦИИ ЖУРНАЛИСТАМ

Публикации о *чужих*, в том числе о трудовых мигрантах, в духе толерантности предполагают внимание к нескольким аспектам формы текста и его содержания, независимо от информационного повода.

Неплохо было бы чаще показывать, что различия в культуре, образе жизни и мироощущении тех, кто сегодня живет в России, обогащают нашу культуру, что каждый *другой*, приезжий, несет в себе целый неповторимый мир.

Важно обращать внимание аудитории на позитивный опыт взаимодействия с теми, кого большинство воспринимает как *чужих*, например, интересны конкретные истории об адаптации и интеграции трудовых мигрантов в России.

На изменение ситуации к лучшему могут повлиять разъяснения со стороны журналистов и экспертов, что ксенофобия по отношению к мигрантам и другим *чужим* — это реакция общества на социально-экономические изменения, которые порождены не поведением социальных меньшинств, а сложным комплексом разнородных факторов. Особенно полезно привлекать к публикациям экспертов из научного сообщества, которые способны разъяснять причины неприязни к *чужим*, тенденции мирового развития в условиях глобализации.

Эффективны для поддержания социального мира усилия журналистов, показывающих, в чем состоят совместные, общие интересы всех жителей России, независимо от их гражданства и места рождения.

Следовало бы чаще давать в СМИ слово тем, кто считается *чужим*, чтобы индивидуальные истории и конкретные люди уравновешивали безличные негативные стереотипы. Люди из «чужой» группы, добившиеся авторитета в своей профессиональной сфере (актеры, музыканты, писатели, спортсмены) способны вызвать понимание и сочувствие со стороны предубежденной части массовой аудитории.

Нужно избегать заголовков, которые разжигают неприязнь к *чужим* (*Узбек попутал; Водитель-азиат сбил человека насмерть*), а также противопоставляют персонажей журналистских текстов по территориальному, национальному, религиозному признакам в негативном контексте.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Отредактируйте заголовочные комплексы с учетом изложенных выше рекомендаций.

Опасными аттракционами управляют неграмотные гастарбайтеры. Сложными и опасными аттракционами в Москве управляют нелегальные мигранты. На двух аттракционах Выставочного центра незаконно трудились восемь иностранцев.

Задержана женщина-мигрантка, которая торговала героином.

Суши и пиццу для москвичей мигранты готовили в «хлеву»

Столичные силовики, похоже, всерьез взялись за нелегалов, задержали более 200 человек. На территории бывшего кожевенного завода, что на Витебской, 9, в цехах, которые в 1990-е перепрофилировали под производство мебели, мигранты... стряпали суши и пиццу. Чтоб развезить на заказ.

Гость в горле. Проблема нелегалов ставит Европу в тупик.

2.3. Практики конструирования медийного образа *своих*

С в о и — воображаемое сообщество (этнос, нация, жители одного региона), то есть его члены могут не знать друг друга и никогда не встречаться, но мыслят себя как единую группу, которую связывают отношения солидарности и доверия.

Понятие воображаемого сообщества сформулировал социолог Бенедикт Андерсон применительно к ситуациям зарождения национальных государств, процессам возникновения национального самосознания [15]. Какие черты являются определяющими для того, чтобы граждане России ощущали себя сообществом *своих*? СМИ важными критериями объединения обычно называют общую территорию и русский язык, а также нередко — православие, чувство патриотизма. Но не менее значимо психологическое ощущение: мы — семья, мы должны относиться друг к другу по модели семейных отношений.

При обсуждении *своих* в российских СМИ часто используют как синонимы слова *русские* и *россияне*. Это указывает на смешение в текстах двух значений слов *нация*, *национальный*. Слово *нация*

употребляется для обозначения и этнической группы, и гражданской общности — граждан одного государства. Более корректным было бы каждый раз исключать разночтения и пояснять аудитории, идет речь об этносе или гражданской нации.

Не всегда группа *своих* совпадает с размерами нации, есть множество описанных в СМИ сообществ гораздо меньшего масштаба — жители региона (*уральцы*), города (*москвичи*) и др.

По отношению к *своим* принято в большинстве случаев проявлять толерантность, так же поступают и СМИ. Тогда есть ли проблемы с проявлениями интолерантности в текстах об этой группе? Да, есть. Дело в том, что для идентификации *своих* достаточно часто используются негативные, интолерантные характеристики *чужих*, чтобы подчеркнуть: мы не такие, как они. Так действует механизм негативной идентификации — от противоположного. И такая «служебная», «прикладная» интолерантность достаточно широко распространена. Поэтому разговор о *своих* в контексте проблем ин/толерантности в СМИ оправдан.

Типичные практики конструирования *своих* совпадают, независимо от того, о каком именно сообществе идет речь.

Как правило, журналист, описывая какую-либо группу как *своих*, по умолчанию включает в нее себя и свою целевую аудиторию (в противоположном случае, когда журналист себя исключает, получается описание *других*).

Универсальным правилом является приписывание группе положительных ценностей. Сама по себе принадлежность к *своим* — это положительная характеристика героя публикации, часто это еще и условие наличия других положительных качеств: *Славится наше село хорошими людьми, с душой относящимися к своей работе.*

Очень популярна в таком контексте метафора «свои — это одна семья». Несмотря на то, что на самом деле отношения в социальной группе, даже самой малой, всегда сложны, именно семейная близость и солидарность — идеал взаимосвязей в группе *своих*: *Для Виктора Трифонова комбинат — второй дом. Здесь он проводит большую часть своей жизни...*

В описании взаимоотношений между *своими* обязательно подчеркивается единство взглядов, духовная близость, сходство эмоциональных ощущений по важным

поводам: *Памяти дорого это нелегкое и интересное послевоенное время... И пусть часами стояли в очередях за хлебом, а праздники отмечали за скромным столом, но дружно и душевно. А беда — только плачивала людей.*

Заметим, что настойчивое подчеркивание согласия и единства внутри группы может быть свидетельством того, что их поддержание все же представляется проблемой. Социолог Никлас Луман указывает, что та или иная моральная норма начинает активно обсуждаться в СМИ именно тогда, когда появляется ощущение, что ее соблюдение — под угрозой [16].

Интересно, что умение и готовность много работать, прилагать усилия для достижения цели, готовность преодолевать трудности — характеристики, которые присутствуют при описании *своих* в группе практически любого социального статуса и достатка. Заголовки типа «*Работой жила всю жизнь*» типичны для региональной прессы, а в качественных деловых изданиях для состоятельной аудитории публикуют сентенции вроде: *Американский миллиардер Джулиус Розенвальд говорил, что финансовый успех на 95 процентов состоит из пота и на 5 процентов — из вдохновения. Жизненные трудности подаются журналистами как проверка на лучшие человеческие качества: Несмотря на нищенскую жизнь они (жители нескольких деревень. — Э. Ч.) смогли выделить из своего бюджета кто по сто, кто по двести рублей на храм.*

Важной практикой описания *своих* является публикация типичных биографий членов сообщества в качестве образца для подражания.

Посмотрим более дифференцированно на популярные в современных российских СМИ сообщества *своих*. Так как в нашем обществе сочетаются разные образы жизни, разные социальные уклады, то неоднородны и принципы формирования разных сообществ. Названные выше универсальные практики конструирования сообщества *своих* не исключают значимых различий в принципах объединения (реального или воображаемого) людей в сообщество.

Часто *свои* выделяются по принадлежности к социальному классу (*горожане с доходами выше среднего*), по профессиональной принадлежности и виду образования (*люди творческих профессий, технари, гуманитарии*), социальным ролям (*родители подростков, деловые женщины*) и т. д. Внутри обозначенной группы *свои* всегда

значит *нормальные*, живущие по одним правилам. Упомянуты такие группы в любых СМИ, а более подробные биографические описания или рассказы о хобби, типичных способах отдыха можно найти в качественной развлекательной прессе (так называемые глянцево-журналы, или квалоиды). Обычно в таких публикациях показывают основные ценности и стиль жизни, по которым определяется принадлежность к *своим*. Ценности у разных профессиональных и социальных групп во многом совпадают: счастливая семья, самореализация в карьере и личной жизни. Часть публикаций о стиле жизни современных россиян посвящается формирующемуся среднему классу (о границах которого специалисты до сих пор спорят). Здесь акцент делается на благополучие и хорошую обеспеченность людей *своего круга*, в число значимых ценностей попадают хорошее образование для детей, активный отдых, следование моде.

Свои, типичные для постиндустриального общества, реже бывают описаны именно как сообщество, тут гораздо чаще можно найти биографические описания или интервью отдельных людей, по рассказам которых угадывается типичный образ жизни той или иной группы. Все это тоже публикуется в качественных развлекательных изданиях (журналы-квалоиды и сетевые издания рекреативного направления) или в специализированных СМИ, посвященных, например, музыкальным субкультурам (*рок-музыка, панк-культура, рэперы*). Особенно хорошо такие сообщества представлены в социальных сетях, где имеют свои страницы и другие формы объединения: *чайлдфри, геймеры, вегетарианцы, любители йоги* и т. д. Речь идет о значительно менее многочисленных группах, чем в предыдущих случаях. И их стиль жизни и ценности, схожие внутри каждой конкретной группы, значительно отличаются при сравнении с другими сообществами.

Очевидно, что отдельный человек может быть членом нескольких групп, их границы всегда неформальны, и каждый может свободно войти в такую группу, реально — записавшись в школу йоги, или виртуально — присоединившись к странице на Facebook.

Практики конструирования *своих*, типичные для традиционного общества, мы рассмотрим более подробно, потому что это сообщество очень велико по численности и подробно представлено в подавляющем большинстве региональных СМИ и в ряде

федеральных. Кроме того, в группе текстов, посвященной традиционно выделяемому сообществу *своих*, активно взаимодействуют практики толерантности к *своим* и интолерантности к *чужим*.

Один из существенных признаков члена такого сообщества — связь с территорией, «локальность». *Земляки, коренные жители, местные* — вот типичные обозначения этого типа *своих* в текстах СМИ: *Сенокос — пора горячая... Мы побывали в двух хозяйствах района, где дела идут лучше других... «Быстро закончили, хотя сначала все дожди мешали», — порадовался за своих земляков Николай Мазунин, водитель УАЗика и наш добровольный гид. К слову сказать, человек он местный, в колхозе — без малого 20 лет.*

История жизни героя публикации как образец для подражания, предлагаемый всем, имеет устойчивую схему. Обычно пересказывается биография героя от рождения до сегодняшнего дня, причем отбираются только те эпизоды, которые характеризуют его положительно: *Трудную и в то же время интересную жизнь прожил наш отец. Родился он в очень бедной семье. Закончив несколько классов школы, совсем юным вынужден был идти на работу в колхоз. Он рано потерял отца, мать воспитывала одна большую семью. Жили, можно сказать, в нищете, с малолетства дети познали тяжелый крестьянский труд, в том числе и папа. <...> Хочется еще сказать, что мы любим нашего дорогого папу за его строгость, честность, трудолюбие и справедливость. И по сей день он хочет, чтобы этими чертами обладали и мы.*

Цель автора — не просто рассказать о хорошем и чем-то интересном человеке, а предложить образец для подражания — часто формулируется прямо: *В нашей действительности сколько абсолютно здоровых мужчин, с образованием, профессией, а не могут найти свое место, предназначение. Я бы привела им в пример Мухамметгали Мухамматнуровича.* При этом как раз интересным герою быть трудно, потому что для образца выбирается самое типичное, повторяющееся, а вовсе не уникальное и неповторимое.

Ключевые ценности сообщества, ориентированного на традиционные, повторяющиеся образцы поведения, — это е д и н с т в о и п о с т о я н с т в о. Чувство единства фиксируется даже по незначительным поводам, часто оно выглядит в тексте как черта, ритуально приписываемая журналистом группе *своих* в любой ситуации: *Сегодня проходит шоу-конкурс АВИСМЫ «Мистер*

Титан-2010». ...Атмосфера единения, всеобщей радости и любви к родному предприятию напоминает лучшие заводские традиции прошлых лет. Стабильность, постоянство как черта характера или образ жизни всегда подаются в положительном контексте: 18 лет за прилавком (заголовок); Заглянула на завод из чистого любопытства, да вот уже более двух десятков лет отсюда никуда. Завидное постоянство!

Подчеркнем, что важной характеристикой рассматриваемой группы *своих* является *негативная идентификация* — с помощью фиксации антиценностей, присущих *чужим*, с подчеркиванием того, что *мы* не такие, как *они*.

Так, антиценностью оказываются *непостоянство, мобильность* как черта жизни, они оцениваются как беда или грех: *С чьей-то легкой руки в ход пошла легенда-вездеход о том, что человек каждые пять лет должен кардинально менять род своей деятельности. ...Эти слова — обыкновенная «отмазка», неуклюжая попытка оправдать государство, которое не может обеспечить стабильную жизнь для своих граждан... На что была бы похожа наша жизнь, если бы все, как один, с пятилетней цикличностью начали болтаться, как цветы в проруби. Ничего не было бы.*

Когда свой образ жизни оценивается как образцовый, те, кто его не придерживается, получают негативную оценку. Вот примеры противопоставления города и деревни с позиции сельских жителей: *...с успехом сдала экзамены в культпросветучилище на хореографическое отделение. Но учиться не стала — не смогла преодолеть отвращения к городской жизни; Рожают как раз больше в деревнях. Горожанам и одного чада в семье много кажется. Наверное, бояться, что ребенок их объест. И периферия, как водится, снова отдувается за всю Русь-матушку.*

Утверждение любви к труду как одной из ключевых ценностей часто влечет за собой *интолерантность к открытому стремлению развлекаться, отдыхать*: *Поменьше бы в нашем городе открывали ночных баров. Ведь молодые люди только туда и стремятся провести время. А там, как известно, пиво, вино, возможно, и наркотики... Кто в дальнейшем получится из нашей молодежи? Полноценный гражданин России? Нет, конечно! Идет борьба со СПИДом, а мы сами, взрослые, толкаем молодое поколение к этим «увлечениям».*

В конструировании *своих* в районной прессе нередко маркером *чужого*, не нашего выступает материальный недостаток: *Те, кто сейчас и молод и богат, шарахаются от одной мысли пополнения своей семьи. Кто-нибудь видел многодетного денежного магната? Или миллиардершу — мать-героиню? Правильно, таких нет; ...дети чужие не в своем дворе — а в своей квартире. Родители променяли их на мебель. Мало того, что решетки на окнах и двери железные повесили, так еще и шторы двойные, не пропускающие воздух и свет. Родители сильно любят барахло, а для детей не оно нужно.* Обратим внимание, что приписывание *чужим* того, что осуждается в своей среде, — это именно способ подчеркнуть собственные достоинства безотносительно к тому, реально ли свойственны *чужим* те антиценности, которые им приписывают. Так, явно не соответствует действительности утверждение, что в семьях с высоким доходом не бывает много детей.

Во многих сообществах традиционного типа ценится у м е н и е б ы т ь к а к в с е. И журналисты описывают своего героя, прежде всего, как члена сообщества, коллектива: *Как и у большинства сельских подростков, у Нагимзяна было трудное детство; А дома, как у всех, своя семья. Им тоже нужны забота и ласка мамы-учительницы.*

В этом контексте индивидуализм, действия в одиночку — антиценность: *Думая каждый только о себе, что мы сделаем для того клочка суши, который все еще называется нашей Родиной? Не стоит кивать на Запад. Он удержался на плаву во многом благодаря нашей безграмотности и глупости... Жаль, что мы вовремя не вспомнили Льва Толстого: «В нашей студенной стране можно выжить только сообща».*

При подозрительном отношении к индивидуальным усилиям, устремлениям соперничество, конкуренция внутри группы *своих* тоже становятся антиценностями: *Руководители не так далеко расположенных друг от друга районов — Верецагинского и Нытвенского — решили возродить некоторые хорошие традиции и организовать соревнование между территориями. Конечно, оно отличается от соревнования прошлых лет: здесь нет стремления выяснить, у кого лучше тот или иной показатель, а преобладает желание поделиться опытом, вместе искать и находить пути решения самых насущных проблем.* Мы видим, что заявление

о соревновании тут же опровергается утверждением, что *здесь нет стремления выяснить, у кого лучше тот или иной показатель*.

Подведем итоги. Никакое сообщество *своих* не является прозрачным и рационально организованным, его границы всегда размыты. Главные функции описания *своих* в СМИ состоят в том, что образ *своих* выступает как этическая и эстетическая категория, объект любви и гордости, нравственный образец. Кроме того, образ *своих* формирует коллективные ожидания, транслирует культурные образцы поведения. Практики конструирования образа *своих* предоставляют адресату текстов СМИ готовый механизм самоидентификации: каким быть правильно, и это получит одобрение большинства, а какого поведения лучше избегать, потому что *свои* это осудят.

Сосредоточенность на специфичности, уникальности *своего* может рождать слепоту к *другим*, отсутствие установки на культурный диалог с ними. Но возможна и обратная ситуация: чувствительность к различиям между *своими* и *другими* может стать реальной основой толерантности, когда рядом с любовью к *своему* рождается интерес и уважение к *другому*.

РЕКОМЕНДАЦИИ ЖУРНАЛИСТАМ

Для того чтобы в духе толерантности писать о разных сообществах *своих*, в которые журналист включает, как правило, и себя, следует избегать некоторых практик в разграничении *своих* и *чужих*. Для обеспечения сбалансированности в текстах с большой осторожностью нужно использовать сравнение *своих* с кем-либо в негативном контексте, особенно избегать формирования наивной моральной оппозиции хорошие *свои* — плохие *чужие*.

Явными маркерами интолерантности выглядят приписывание *своим* роли жертвы и поиск врагов среди *других*, а также оценочная позиция в духе морали готтентота: чужая агрессия — это зло, наша агрессия — это благо, в том числе и для *других*.

Вместо не критичного принятия имеющих хождение аргументов в духе теории мирового заговора против *своих* для журналиста более рациональна позиция поиска экономических, политических, социокультурных причин возникновения сложных ситуаций

в среде *своих*. Продуктивно для публикаций в духе социального мира показывать условность, относительность границ между *своими* и *чужими*: сегодня каждый из нас — *другой*.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Прочтите текст. Напишите от имени редакции ответ автору письма в духе толерантности к *другим* внутри сообщества *своих*. Учтите, что танцевальный коллектив Е. Крыловой исполнял современные танцы, но не стриптиз.

НУ И НУ!

Пусть говорят?

Программу с таким названием (правда, без вопросительного знака) показывали вечером во вторник на Первом телеканале. Смотреть я ее начал не с самого начала — позвонил знакомый. Говорит, что показывают учительницу из Сухого Лога. Переключился и, действительно, вижу Елену Крылову, учительницу нашей школы № 1, которую выгнали с работы. В школе она преподавала литературу, а по вечерам танцевала стриптиз в Курьях.

По телевизору обсуждали еще что-то, но вникать в чужой разговор было некогда. То один знакомый звонит, то другой. Такое впечатление, что весь город в тот вечер эту передачу смотрел. А в телевизоре сухоложанку «по косточкам» разобрали. Знаменитости, депутаты разные. Мне показалось, что всем им больше заняться нечем. Один Хазанов поступил по-мужски, сказав, что напрасно согласился участвовать в этой болтовне. И Михалков презрительно отозвался об уровне провинциального «искусства» на потребу невзыскательной публике.

Крылова изменила изящной литературе в угоду стриптизу и при этом открыто себя афиширует. Любым способом, лишь бы только «засветиться». Надо же, непризнанная личность! Говорят о себе фактически те, которые ничего другого в жизни делать не умеют. Ну и пусть? Очень уж сомнительное утверждение.

Мне же обидно за Сухой Лог, который прославился на всю страну не тем, чем способен.

Н. Мезенцев (30 лет)
(Газета «Знамя Победы»)

2.4. Проблемы межэтнической толерантности

Межэтническая толерантность — это убеждения и практики поведения, основанные на идеях равенства прав всех людей, независимо от их этнической или национальной идентификации. Проблемы межэтнической толерантности являются одними из самых актуальных в современном мире. О сходных проблемах говорят в связи с национализмом и расизмом как проявлениями нетерпимости к другим.

Начнем с того, что не существует единого научного подхода к определению понятий «этнос», «нация», «раса». Мы опираемся на социологический подход, в рамках которого этнос — общество, социальная группа, члены которой считают, что их объединяет общий язык, происхождение (реальное или предполагаемое), территория проживания (современная или историческая), культура, в том числе религия, стиль одежды и украшений. Часто называют также психологический признак: чувство связи между *своими*. Однако все эти признаки не абсолютны. Так, на одном языке часто говорят люди, идентифицирующие себя с разными этническими группами. Территория, которую какой-либо этнос связывает со своим происхождением, никогда не закрыта для проживания представителей других этносов. Специфика конкретной этнической культуры в еще меньшей степени поддается четкому определению и отграничению от других культур. По данным современной социологии, все этнические различия являются полностью приобретенными, несмотря на то, что многие представители той или иной этнической группы считают, что их объединяют и какие-то «естественные», «природные» качества. Не все люди считают необходимым идентифицировать себя с определенным этносом. Иногда это затруднительно, так как среди родственников есть представители разных этнических групп.

Н а ц и я — понятие, связанное с этносом, но не идентичное ему. Когда говорят о возникновении нации, к названным выше объединяющим признакам этноса добавляют экономические и торговые связи, а главное — возникновение собственного государства. Нация — общество, объединенное политически и экономически в границах государства, как правило, неоднородное в этническом отношении.

Возникновение этнических групп относят к далекому прошлому, национальных государств — к Новому времени. Не всякий этнос имеет собственное государство, в то же время сегодня практически нет моноэтнических государств и о нации говорят как о гражданской общности: группа людей, являющихся гражданами одного государства.

Н а ц и о н а л и з м — идеология и политика, ценностями которых провозглашается преданность своей нации, деятельность на благо собственного народа, невзирая на социальные и культурные различия внутри нации. Радикальные националисты часто заявляют о своей нетерпимости к *другим* в этническом, религиозном, культурном отношении, отрицают многообразие внутри одной нации. Сторонники умеренного национализма осуждают проявления нетерпимости к другим нациям, этносам, культурам, они выступают за признание многообразного единства нации и за солидарность с другими народами.

Р а с а — еще менее определенное понятие, чем этнос. Мы разделяем точку зрения известного социолога Энтони Гидденса: расовыми обычно называют физические отличия по цвету кожи или другим характеристикам [17]. Обоснованию понятия расы было посвящено много псевдонаучных теорий, и эти теории оказали большое влияние на массовое сознание. В их основе лежал поиск созависимости внешности человека и его биологических особенностей. Количество рас у разных авторов варьировалось от четырех-пяти до трех десятков. Однако эти теории не нашли реального подтверждения, во-первых, из-за большого количества найденных исключений и несоответствий. Например, так называемый «негроидный» тип определяли по темной коже, но ее оттенки имеют очень большие градации, а курчавые или волнистые, темные или светлые волосы у людей с темной кожей и вовсе опровергают любую четкую «расовую» классификацию. Во-вторых, развитие генетики опровергло теорию о наличии нескольких линий расового развития от наших антропоидных предков. Ученый, проводящий анализ крови конкретного человека, не может уверенно установить, взят образец у представителя «негроидной», «европеидной» или «монголоидной» расы. В-третьих, генетическое многообразие внутри тех групп населения, которые имеют сходные внешние признаки, не уступает межгрупповому многообразию. Э. Гидденс указывает, что на основе

этих научных данных многие биологи, антропологи и социологи пришли к выводу, что теория расовых различий не нашла убедительного подтверждения [18].

Существующие между людьми физические различия, некоторые из которых передаются по наследству, часто рождают социальную дискриминацию. Следовательно, *расизм* — это ложное соотнесение физических, внешних характеристик индивида с якобы врожденными чертами его характера или поведения. *Расист* — тот, кто верит в биологическое объяснение превосходства или неполноценности одних людей по сравнению с другими. Такие представления, как правило, призваны оправдать экономическую и социальную дискриминацию: людей не с тем цветом кожи или типом культуры задвигают на наименее выгодные экономические позиции, в непрестижные сферы труда.

Итак, *раса*, *этнос*, *нация* — разновидности воображаемых сообществ. Из них наибольшей определенностью обладает *нация* как общность, соотносимая с государственными границами, законами государства, его экономикой и политикой.

Для многих людей их этническая самоидентификация обладает большой значимостью, и эти взгляды заслуживают уважения и толерантного отношения. В наши дни феномен этничности приобрел важное значение во всем мире. В начале 1960-х гг. в мире было около 800–900 политически идентифицируемых этнических групп. Ныне их более 3 000 и проживают они на территории 180 государств.

Межэтническая интолерантность в России

Толерантное отношение к разным этническим группам является актуальной проблемой. У нее есть и социальные причины (дефицит определенных ресурсов, противоречия интересов), и психологические.

Существуют общественные фобии, связанные с определенными этническими группами. Так, в России во множестве конфликтов на этнической почве винят кавказцев. Это не один этнос, но многие россияне воспринимают как однородную группу всех выходцев из Кавказского региона. Однако в случае стихийных массовых выступлений с антикавказскими лозунгами (Кондопога в 2006 г., Манежная площадь в Москве в 2010 г. и др.) на деле оказывалось,

что основной причиной протестов каждый раз была неадекватная (с точки зрения протестующих) реакция милиции и местных властей на преступления, совершенные этнически чужими. Именно подозрения в коррумпированности полиции и властей со стороны кавказских диаспор становились поводом для массового недовольства.

Другая причина межэтнической напряженности — проблемы, связанные с нелегальной миграцией, которой россияне приписывают этнически чужое лицо, и как мы уже говорили, здесь дело не столько в межэтнической напряженности, сколько в сложном взаимодействии политико-экономических факторов, влияющих на миграционную политику.

Есть исторически сложившиеся фобии и предубеждения в отношении цыган и евреев — на протяжении столетий это были особые группы *других* в христианских и мусульманских государствах, их веками сопровождало стереотипное подозрительное отношение со стороны большинства.

Некоторые негативные стереотипы сложились уже в постсоветское время и, как всякие стереотипы, воспроизводятся независимо от их соответствия или несоответствия фактам. Так, с таджиками часто соотносят угрозу наркоторговли. О китайцах говорят, что они стремятся захватить российские территории и хищнически эксплуатировать природные ресурсы. Очевидно, что СМИ недостаточно разъясняют, что проблемы наркоторговли и разграбления природных ресурсов требуют, прежде всего, эффективных действий со стороны правоохранительных органов, а возложение ответственности за такие проблемы на любые этнические группы — это маскировка реального положения дел.

Практики межэтнической толерантности в СМИ

Журналисты, стоящие на позициях толерантности, могут и должны бороться, во-первых, с негативными этническими стереотипами, во-вторых, с практиками воспроизведения и поощрения этнической нетерпимости, когда, например, резко интолерантные высказывания не осуждаются в бытовом или публичном общении. Даже откровенно расистские высказывания не всеми признаются неприличными и заслуживающими порицания. В итоге временами

рисуеться ситуация, в которой этническое большинство в России представляется жертвой меньшинств. Иногда такое противопоставление реализуется и в журналистских текстах по схеме: журналист и его гипотетический адресат — «свои люди», страдающие от этнически чужих.

Анализ показывает, что в федеральных и региональных СМИ этническая характеристика персонажа упоминается, когда ей приписывается социальная значимость: этничность сопрягается с другими актуальными характеристиками тех, о ком идет речь. Как правило, этничность упоминается относительно редко. Гораздо чаще в описании персонажа на первый план выходят другие аспекты его социального статуса: профессиональная принадлежность (актер, строитель), принадлежность к определенному поколению (молодежь, «шестидесятники»), семейные связи (отец, брат, муж). Так что показательны сами ситуации, когда журналисты от этого общего правила отступают и обращаются к этнической характеристике своих персонажей. Обычно этническая принадлежность героя текста оказывается важна как знак какого-либо другого социального различия (культурного, морального) и нередко сопровождается негативной оценкой.

Рассмотрим типичные информационные поводы. Это, например, информация об этнокультурных праздниках обычно с положительной оценкой или нейтральной фиксацией этнических различий. Этнические различия в сфере культуры в узком смысле (фольклор, музыка, театр, этническая кухня) вообще принимаются, как правило, положительно.

Совсем другие смыслы несут упоминания об этнической принадлежности героев криминальной хроники. Часто простого упоминания этнической характеристики правонарушителя достаточно для актуализации стереотипного обобщения: от *чужих* исходит опасность, в том числе криминальная.

Спорт — еще одна тема, связанная с этничностью. Тексты о спортивных соревнованиях, особенно международных, обязательно содержат этнонациональные характеристики их участников. Обычно это оценочно нейтральная, но значимая информация: под флагом какой страны выступает тот или иной спортсмен. Однако в некоторых случаях тема спорта актуализирует этническую принадлежность персонажа в интолерантном ключе. Так, допинговый

скандал, из-за которого ряд российских спортсменов не был допущен к участию в Олимпиаде в Рио-де-Жанейро в 2016 г., некоторыми СМИ интерпретировался как проявление враждебности к России и русским в целом. В подобных случаях придание международным спортивным состязаниям политического смысла выполняет функцию обеспечения внутригрупповой солидарности: приписывание враждебности внешним *другим* призвано активизировать согласованность, внутреннюю сплоченность *своих*.

Самые интересные в перспективе толерантности журналистские тексты — о позитивном опыте преодоления этнической разобщенности. Так, в августе 2016 г. российские СМИ сообщили, что во время пожара в московской типографии погибли 14 женщин — гражданок Киргизии, а также о том, что многие россияне публично выразили свое сочувствие в связи с трагедией: *В посольстве республики в Москве открылась книга соболезнований. Москвичи несут цветы к посольству Киргизии в России в память о 14 погибших... Мэр Москвы выразил соболезнования родным погибших и пострадавшим. За счет таких публикаций снимается поляризация между этнически своими и чужими.*

С точки зрения толерантности важно внимательно относиться к различным маркерам, знакам этнической «чуждости» тех или иных персонажей. Одним из таких частотных знаков является воспроизведение фонетических или других особенностей чужого языка. Иногда это речевая характеристика героя, придающая ему индивидуальность, иногда — воспроизведение чужой речи с целью насмешки. Так что надо внимательно оценивать функции чужой речи. В качестве иллюстрации приведем фрагмент заметки «Юкку-Калле рейд»: *На прошлой неделе в Коми округе с частным визитом побывал редактор эстонской газеты «KES-KUS» Юкку-Калле Райд. Двадцатиминутная часть визита прошла в редакции нашего еженедельника.*

— *Этто эстоннская казетта, — произнес молодой человек с наголо выбритой головой и серьгой в ухе. Я хотел спросить, кем он там работает. Молодой человек, заметив мой вопросительный взгляд, поспешно добавил:*

— *Я клавный редактор Юкку-Калле Райд.*

Автор текста передает с целью насмешки акцент эстонца при произношении русских слов.

РЕКОМЕНДАЦИИ ЖУРНАЛИСТАМ

1. В полиэтничном государстве, каким является и Россия, журналист выполняет миссию посредника в межэтнической, межкультурной коммуникации. Он обращается к массовой недифференцированной аудитории и имеет в качестве адресатов представителей разных этнических групп. Поэтому каждый раз, когда журналист говорит об этнокультурных различиях, возникает вопрос о толерантности к разным группам адресатов СМИ.

2. При освещении проблем межэтнического взаимодействия необходимо чаще приглашать экспертов-правоведов, политологов, этнологов, обращаться к ним за комментариями в сложных ситуациях.

3. Большое значение имеет точный выбор номинаций при обсуждении межэтнических взаимодействий, этнической и национальной проблематики. Так, не следует синонимически использовать слова *этнос* (этническая группа) и *нация* (государственно-политическая общность). Слово *национальный* сегодня употребляется и в значении «относящийся к нации»: *национальные интересы России*, и в значении «этнический»: *удмуртский национальный костюм*. Важно, чтобы контекст использования исключал путаницу. Также при обсуждении межэтнических проблем лучше разграничивать русских как этническую группу и россиян как граждан России, нацию.

4. Недопустимо использование уничижительных наименований этнических групп, насмешек над их культурой и языком.

5. Не нужно упоминать этническую характеристику персонажа, если она не связана с существом дела, в том числе при описании криминальных событий. Исключение составляют те случаи, когда сам характер преступления связан с этнической принадлежностью участников, и если об этом не сообщить, события будут описаны с существенным искажением.

6. Важно показывать позитивный опыт преодоления этнической разобщенности, общие интересы граждан России независимо от их этнической принадлежности.

ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАДАНИЯ

1. Исправьте интолерантные компоненты в заголовках, сохранив информационный повод сообщения:

Узбек напал на новгородца с бензопилой.

На юго-западе Москвы неадекватный белорус попытался похитить младенца.

Убийца из Украины напал с ножом на девушку в Москве. Мужчина вонзил своей жертве клинок в спину, чтобы похитить мобильный телефон.

Азербайджанцу предъявлено обвинение в групповом изнасиловании жительницы Алапаевского района. Его поделщик — в розыске.

2. Определите в тексте объект и предмет интолерантности. Выделите и охарактеризуйте маркеры интолерантного отношения. Отредактируйте заметку, устранив интолерантные компоненты.

В Кольцово поймали таджиков с опасным молоком и мясом

Россельхознадзор 22 мая изъял в аэропорту Кольцово 24,8 кг опасных для здоровья продуктов, сообщили нашей газете в Управлении Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору по Свердловской области. Пассажиры из Таджикистана и Киргизии везли в ручной клади 24 кг молочной и 0,8 кг мясной продукции. Причиной задержания стало отсутствие разрешения на ввоз, подтверждающих качество документов, а также маркировок на упаковках.

2.5. Проблемы межрелигиозной толерантности

Веротерпимость (межрелигиозная толерантность) — невмешательство в дела другой веры; для светского демократического государства — невмешательство в сферу религиозной жизни вообще. Иногда такую толерантность к разным религиям называют формальной — в противоположность межрелигиозной толерантности более высокого уровня, которая признает любую религию, любое верование как подлинную возможность встречи со священным, трансцендентным.

Свобода совести — базовый принцип межрелигиозной толерантности. Она предполагает свободу исповедовать какую-либо

религию или верование или быть вне религии. Также это свобода менять свои религиозные убеждения. Это означает, что религия — личное, частное дело каждого человека. Церкви (и религиозные верования) отделены от государства.

В России существует конституционное право на свободу вероисповедания, о котором говорит статья 28 Конституции Российской Федерации: «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними».

Эта норма Конституции раскрывается в Федеральном законе от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 30.03.2016) «О свободе совести и религиозных объединениях». Свобода вероисповедания подлежит ограничению только ради обеспечения общественной безопасности. «Установление преимуществ, ограничений или иных форм дискриминации в зависимости от отношения к религии не допускается» (п. 3 ст. 3 ФЗ № 125, ред. от 30.03.2016).

Согласно пункту 2 статьи 6 Федерального закона № 125-ФЗ (ред. от 06.07.2016) религиозные объединения могут создаваться в форме религиозных групп и религиозных организаций (местных и централизованных). Это добровольные объединения граждан, в них могут участвовать и лица без гражданства РФ, которые постоянно и на законных основаниях проживают в России. В этом же законе сказано, что религиозные объединения «имеют право совершать богослужения, другие религиозные обряды, а также осуществлять обучение религии и религиозное воспитание своих последователей».

Деятельность религиозной группы, в отличие от религиозного объединения, осуществляется без государственной регистрации и статуса юридического лица, она реализуется в форме совместного исповедания веры, а также совместного распространения веры (миссионерская деятельность).

Трудности межрелигиозной толерантности

Веротерпимость — наиболее древний вид толерантности, но и один из самых сложных. Обычно у людей, исповедующих определенную религию, есть миссионерские задачи — распространять свое

учение как единственно верное, увеличивать круг своих сторонников. И в рамках подлинной религиозной веры трудно принять, что не разделяющего твоих взглядов, верующего в других богов можно не переубеждать, не воспитывать, не преследовать. Английский философ XVII в. Джон Локк проанализировал опыт религиозных войн, раздиравших Европу на протяжении двух столетий, и написал знаменитые «Письма о веротерпимости» [19], в которых сформулировал принципы мирных, толерантных отношений между католиками и протестантами. В частности, он писал, что если кто-либо отклоняется от религии большинства, то это его несчастье, но не вред, нанесенный окружающим, то есть не нужно затевать войну или притеснять инаковерующих другими способами. Разумеется, в рамках межрелигиозной толерантности это правило касается представителей всех религий.

Религиозная ситуация в современном мире

Сегодня религиозная вера и светские взгляды находятся в отношениях противоречия и конкуренции. С одной стороны, с началом Нового времени во всем мире происходит секуляризация общества, то есть массово распространяются атеизм, скептицизм по отношению к религиозным убеждениям. Государственная власть в большинстве стран носит светский характер. С другой стороны, в XX и XXI вв. специалисты констатируют феномен религиозного возрождения: у многих светских людей вновь рождается интерес к религиозному, мистическому взгляду на мир. Появилось множество новых верований, религиозных течений.

Это привело к введению оценочно окрашенных понятий «традиционные» и «нетрадиционные» религии. Например, к «традиционным» религиям чаще всего относят иудаизм, христианство (в том числе православие), ислам, буддизм. В основе лежат такие признаки, как долгая история существования, организационная оформленность, устойчивость ритуальных практик, многочисленность сторонников. Дополнительными признаками «традиционной» религии считают связь с определенной территорией, этносом. Критерии такого разделения спорны, само деление относительно. Так, например, языческие верования древнее всех названных выше религий, у иудаизма не слишком много последователей. С правовой

точки зрения, так называемые нетрадиционные религии имеют полное право на существование, будучи предметом личного выбора каждого человека.

Феномен религиозного возрождения ярко себя проявляет и вне «традиционных» религий, когда процесс религиозного творчества можно наблюдать непосредственно. После значительного успеха киноэпопеи Джорджа Лукаса «Звездные войны» во всем мире многие люди захотели следовать показанной в фильме религии джедаев, и сегодня джедаизм получил официальную регистрацию в Британии, так как число его сторонников многократно превышает 10 тыс. (это условие для регистрации нового религиозного течения). Аналогичным образом появились последователи учения Дона Хуана, описанного в книгах Карлоса Кастанеды. Исследователи говорят о процессах индивидуализации и «приватизации» религии — ее уходе в сферу частной жизни, когда человек самостоятельно ищет смысл жизни или понятие трансцендентного, изучая, скажем, астрологию, нумерологию или систему карт Таро. Когда такой человек не связан ни с какой большой религиозной организацией, трудно бывает сказать, идет речь о религии, о личном хобби или о кружке по интересам, если несколько человек любят собираться вместе, чтобы обсудить такого рода темы.

В XX в. возникло много и более оформленных новых, «нетрадиционных» религиозных движений. У них есть некоторые общие черты: большая роль духовных лидеров (живых Учителей), ранее типичная только для некоторых восточных культов; синкретизм вероучения, когда в его рамках объединяются элементы науки, разных религий, собственное творчество лидера; немногочисленность приверженцев учения и текучесть состава религиозных групп. Типичные примеры: созданная писателем-фантастом Роном Хаббардом саентология; Международное общество сознания Кришны, основанное в 1966 г. в Нью-Йорке; агни-йога, возникшая в России на основе учения Николая и Елены Рерихов.

Другой аспект возрождения интереса к потусторонним, мистическим явлениям проявляется в том, что эзотерика стала частью массовой культуры: о биоэнергетике, магических ритуалах, сверхъестественных существах (вампиры, оборотни, эльфы) снимают художественные фильмы, пишут книги, издаются газеты и журналы на эти темы.

Переживают процессы трансформации и «традиционные» религии. Современная ситуация с православием в России неоднозначна. С одной стороны, многие россияне проявляют к нему интерес, признают большое влияние этой религии на культуру и историческое развитие России. С другой стороны, налицо низкий уровень так называемой реальной религиозности: редкое посещение храмов, неисполнение обрядов, незнание основ вероучения большинством из тех, кто называет себя православными.

Острая проблема современного мира — религиозный фундаментализм. Несмотря на призывы его сторонников вернуться к древним истокам ислама, христианства или другой религии, фундаментализм — изобретение XX в., реакция традиционных религий на актуальные проблемы нашего времени. Фундаменталисты провозглашают отказ от толерантности к иным верованиям, проповедуют радикально догматичное вероучение, практикуют агрессивное миссионерство. Возвращение к некоторым архаичным религиозным предписаниям соседствует у фундаменталистов с обращением к достижениям современных технологий: появились проповеди в сети Интернет, современное оружие у религиозных фанатиков-террористов и т. д.

Практики межрелигиозной толерантности в СМИ

Сегодня религия — важный фактор общественной жизни. В информационном обществе образ религии в значительной степени формируется СМИ, во многом журналисты определяют ее восприятие обычными, иногда далекими от религиозных взглядов людьми и тем самым оказывают влияние на место религии в обществе.

Эта тема представляется сложной, уже начиная с наименования религиозных организаций и групп. Правовые основания для их различения мы перечислили выше. Подчеркнем, что слово *секта*, которое часто используется журналистами, не является ни научным, ни юридическим термином. Это эмоционально окрашенное, негативно-оценочное обозначение религиозной группы. Есть еще значение этого слова применительно к истории религий (община, отколовшаяся от основного религиозного течения) и переносное значение (группа лиц, замкнувшаяся в своих мелких, узких интересах), которое используется для выражения неодобрительного

отношения. Ни одно из этих значений не дает основания называть сектами современные религиозные группы или организации, действующие в правовом поле на территории России.

Выражения *тоталитарная секта* или *деструктивная секта* призваны передать еще более резкую отрицательную оценку религиозных групп, которые так называют. Если члены такой группы не нарушают никаких правовых норм, давать им негативную оценку неправомерно. Если нарушения закона есть, это основание для обращения в правоохранительные органы с соответствующими доказательствами.

Для взвешенной оценки чьей-либо религиозной деятельности журналисту надо учитывать еще ряд факторов.

Какие действия религиозной группы нарушают правовые нормы? Это призывы к экстремистской деятельности, принуждение к разрушению семьи, установленное с соответствии с законом нанесение ущерба нравственности, здоровью граждан; склонение к самоубийству или к отказу по религиозным мотивам от оказания медицинской помощи лицам, находящимся в опасном для жизни и здоровья состоянии; воспрепятствование получению обязательного образования; принуждение членов религиозного объединения к отчуждению принадлежащего им имущества в пользу религиозного объединения; противоправные действия, препятствующие выходу гражданина из религиозного объединения; побуждение граждан к отказу от установленных законом гражданских обязанностей. Соответственно, если человек добровольно решил по религиозным мотивам покинуть семью, пожертвовать своей религиозной общине какие-то финансовые средства или личное имущество, это его личный выбор и нет оснований говорить о нарушении закона.

Кроме того, со стороны религиозных организаций является неправомерным посягательство на личность, права и свободы граждан, когда для этого используются приемы манипуляции. Поэтому важно учитывать еще ряд обстоятельств, чтобы оценить, нет ли вреда для конкретного человека, ставшего членом религиозной группы. Перечислим некоторые признаки, которые могут насторожить в деятельности религиозной группы или организации и заставить задуматься, полезно ли в ней находиться: учение группы считается единственно истинным знанием, а традиционная наука и рациональное мышление отвергаются как «ненастоящие»,

«идущие от дьявола» и т. п.; группа настаивает на том, чтобы ты немедленно стал ее членом и разорвал свои «старые» отношения, так как они препятствуют твоему развитию; твои близкие отношения должны быть только с членами группы; все твое время наполнено заданиями: продажа книг или газет, вербовка новых членов, посещение собраний.

Решение, вмешиваться ли в деятельность конкретной религиозной группы, если присутствуют какие-то из перечисленных выше признаков, принимается в зависимости от того, насколько высока степень нарушения прав человека внутри группы, насколько ограничение индивидуальных прав основано на общем согласии, есть ли возможность покинуть группу по своему желанию и т. д.

Журналисты российских СМИ в целом положительно освещают религиозные вопросы, прежде всего, деятельность Русской православной церкви, а также религиозную жизнь мусульман в регионах, где ислам исповедует заметная часть населения. В отношении религиозных организаций и групп, которые не считаются «традиционными» для России, толерантность в российских СМИ присутствует избирательно.

Журналисты охотно берут на себя роль посредников-просветителей, рассказывающих светской аудитории о достоинствах религиозного миропонимания и конкретных религиозных традициях, однако им не всегда хватает компетентности и такта, чтобы не совершать ошибок в использовании религиозных понятий и терминов и выдерживать подобающую стилистическую окраску для публикаций на темы религии.

Обращение к религиозной тематике требует высокого уровня речевой культуры, иначе и толерантные установки, например, в отношении православной культуры, не спасают от некорректного (в итоге — неуважительного к культурно-религиозной традиции) освещения названной тематики. Так, в заметке «С благоговением к святой воде» говорится: *За дни святого Крещения Господня — 18 и 19 января освящено воды: в Свято-Троицком соборе 12 000 л (12 т), в Каменской Покровской церкви 5 000 л (5 т), в Волковской Покровской церкви около 10 000 л. И до сегодняшнего дня в храмах есть крещенская святая вода. Приходите, но с соответствующей посудой. Очень хорошо подходят стеклянные чисто вымытые банки, можно использовать полиэтиленовые бутылки из-под минеральной*

воды, но тоже хорошо сполоснутые. Такую посуду используют не раз, особенно если на ней наклеена этикетка «Святая вода». Информация о реализованных тоннах освященной воды построена по схеме отчета об успехах реализации обычной продукции либо рекламного сообщения: святая вода предлагается в качестве ходового продукта, для которого подходит определенная тара и хорошо бы сделать этикетку. Очевидно, что духовный смысл праздника Крещения — ключевой культурно-религиозный смысл события — в тексте оказался утраченным.

Осторожно следует использовать выражения из сферы религии в целях выразительности. Неуместно могут использоваться, например, фразеологизмы религиозного происхождения: **Бог любит троицу**. *18 августа с молочно-товарной фермы неизвестные лица совершили кражу трех телят. Ведется работа по раскрытию преступления.*

РЕКОМЕНДАЦИИ ЖУРНАЛИСТАМ

1. Помнить о гарантированной Конституцией РФ свободе выбора религиозных верований, избегать обобщающих суждений от имени редакции о том, что религиозная принадлежность человека предопределена историческими традициями или местом его рождения.

2. Корректно выбирать экспертов по религиозным вопросам для комментариев в СМИ. Чаще обращаться не только к представителям религиозных организаций, но и к независимым экспертам — юристам, религиоведам.

3. Важно внимание к языку и стилю текстов о религии, а также корректное использование библейских выражений и религиозно окрашенных фразеологизмов в целях эмоционального воздействия на аудиторию.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Укажите интолерантные смыслы в заголовках и текстах заметок. Замените некорректные элементы там, где это возможно.

1. Купальный сезон жители села Екатерининское откроют в день Крещения на речке Абросимовке. Место здесь более приспособлено для купели, чем продуваемый всеми ветрами Иртыш. С одной стороны прорубь будет закрыта дамбой, с другой — лесом. По словам главы сельской администрации Игоря Акарачкина, к Крещению Господню на льду будет сделана раздевалка, а к речке расчистят подъездные пути. Говорят, сотрудники одного из екатерининских магазинов собрались нырнуть в прорубь всем коллективом — от директора до технички.

2. Жертвы дьявола

Шестого июня, в тот самый день, когда три шестерки — знак дьявола — соединились воедино, предрекая беду, в египетском роддоме пожар погубил четырех новорожденных малышей. Еще 28 младенцев попали в больницу. Состояние 13 из них остается тяжелым. Причиной возгорания стала невнимательность техперсонала родильного отделения города Александрии, расположенного на севере Египта. Из-за недосмотра произошло короткое замыкание в сети и взрыв обогревателей. Дети погибли, отравившись угарным дымом.

3. Сектанты с Кавказа угоняют дорогие иномарки?

В минувшие выходные злоумышленники попытались отнять «Мерседес» у жены известного московского журналиста Александра Хинштейна.

4. В районной конференции приняли участие юные исследователи православия, ислама и старообрядчества.

2.6. Проблемы толерантности к людям с особыми потребностями

Очень часто людей с ограничениями жизнедеятельности и здоровья называют инвалидами. Слово «инвалид» встречается в СМИ, а также в нормативных и законодательных актах. Это медицинский и юридический термин, и установление статуса «инвалид» осуществляется специальными учреждениями, в результате чего человек получает определенные льготы и одновременно официальные ограничения трудоспособности и — в некоторых случаях — дееспособности.

Есть два подхода к тому, как можно помочь инвалидам. Условно их обозначают как медицинский и социальный.

Согласно медицинской концепции, инвалидность — это свойство человека, полученное в результате болезни, травмы или иного воздействия на состояние здоровья и отличающее его от обычных (здоровых, нормальных) людей, поэтому ему требуется лечение и особые условия для жизни. Соответственно, для инвалидов создаются специальные учреждения, где они могли бы на доступном им уровне получать образование, работать, общаться друг с другом, получать необходимую помощь. Фактически это приводит к изоляции инвалидов от остального общества, к дискриминации относительно возможности получения множества жизненных благ. Такой подход был принят на государственном уровне в СССР, он до сих пор находит поддержку в российском обществе. Нельзя не отметить положительную сторону медицинского подхода: на его основе в России организована широкая законодательная и организационная поддержка людей с ограниченными возможностями в плане лечения и финансовой помощи.

Согласно социальной концепции, инвалидов не нужно изолировать от общества. Наоборот: усилия стоит направить на то, чтобы по возможности исключить препятствия, которые возникают у людей с ограниченными возможностями в обществе — на улицах, в магазинах и ресторанах, в школах и университетах и т. д. Исходная предпосылка такого подхода состоит в том, что значительную часть ограничений для людей с особыми потребностями создает само общество, если оно не предусматривает участия во всеобщей деятельности людей с меньшими возможностями по сравнению с большинством. Следовательно, стоит прилагать усилия к тому, чтобы обеспечить для инвалидов комфортные или хотя бы приемлемые условия жизни в обществе. Речь идет, например, об установке пандусов и специальных подъемников для людей с физическими ограничениями в возможности самостоятельно передвигаться; о дублировании текстовой информации с помощью тактильного шрифта Брайля для незрячих и слабовидящих людей; о передаче звуковой информации глухим с помощью языка жестов. Когда обычные люди с детства владеют навыками общения с инвалидами, это позволяет людям с ограниченными возможностями учиться в общеобразовательных школах, работать в обычных учреждениях. То есть проблемы инвалидов могут решаться за счет изменения отношения к ним со стороны общества. Такая модель постепенно

получает распространение в современной России. В 2010 г. Министерством здравоохранения и социального развития разработана Государственная программа «Доступная среда», предусматривающая меры по созданию возможностей для интеграции инвалидов в обычную общественную среду — возможности пользоваться транспортом, бывать в учреждениях культуры и т. д.

Разумеется, людям с ограниченными возможностями часто требуется медицинская помощь, но и дружелюбная социальная среда имеет огромное значение. Сегодня в России уже сделано немало шагов по созданию такой среды. Например, в 2015 г. оператор сотовой связи «Билайн» разработал специальные предложения для людей с нарушениями зрения и слуха, во многих городах есть службы бесплатных социальных такси для инвалидов, таких как социальное такси «Живи, малыш» в Екатеринбурге. Хотя в целом создание доступной, безбарьерной среды для инвалидов и других маломобильных групп населения идет медленно, в том числе из-за традиционной психологической установки российского населения на изоляцию инвалидов от общества. В итоге многие россияне просто теряются при контакте с людьми, имеющими особенности.

Существует ряд международных документов, посвященных правам инвалидов, в том числе «Декларация о правах инвалидов» (1975 г.), «Конвенция о правах инвалидов» (2006 г.). В них изложены общие положения и конкретные нормы, касающиеся прав инвалидов. В России существуют общественные организации «Союз инвалидов России», сеть организаций инвалидов «Независимая жизнь». Они занимаются благотворительной деятельностью и организацией различных мероприятий. К ним журналисты могут обратиться за экспертным мнением в сложных случаях, касающихся публикаций о людях с различными ограничениями.

В публичной сфере редко можно услышать что-то явно интолерантное в адрес людей, возможности которых ограничены в том или ином отношении. Но существуют проблемы, как выбрать корректное наименование для людей с теми или иными ограничениями здоровья, с врожденными особенностями, как обеспечить для них достойное качество жизни, в том числе получение образования и дружелюбную городскую среду.

Как общаться с людьми, имеющими особенности?

Распространенная бестактность — недооценка интеллектуальных возможностей людей с особенностями, общение с ними, как с маленькими детьми. Если вам предстоит общение с человеком, имеющим особенности развития, предварительно уточните у его близких, каковы его реальные возможности.

Разговаривая с человеком, испытывающим трудности в общении, слушайте его внимательно. Будьте терпеливы, ждите, пока он сам закончит фразу. Не поправляйте и не договаривайте за него. Старайтесь задавать вопросы, которые требуют коротких ответов. Не стесняйтесь переспрашивать, если вы не поняли собеседника. Не стесняйтесь спросить, понял ли он вас. Всегда разговаривайте спокойно и дружелюбно, никогда не допускайте резкого тона.

Когда говорите с человеком, пользующимся инвалидной коляской или костылями, расположитесь так, чтобы ваши и его глаза были на одном уровне. Помните, что инвалидная коляска — это часть личного пространства человека, не стоит до нее дотрагиваться.

При общении с человеком, которому нужен сопровождающий, всегда обращайтесь непосредственно к этому человеку, а не к его компаньону.

При общении с людьми с задержкой в развитии используйте доступный язык, выражайтесь кратко и точно. Исходите из того, что взрослый человек с задержкой в развитии имеет такой же опыт, как и любой другой взрослый человек. Будьте готовы повторить фразу, если вас не поняли.

Если человек с ограниченными возможностями что-то умеет делать сам, то не следует предлагать ему помощь.

Всегда спрашивайте, нужна ли помощь, прежде чем оказать ее. Предлагайте помощь ненавязчиво, не привлекая всеобщего внимания. Если ваше предложение о помощи принято, спросите, что нужно делать, и четко следуйте инструкциям.

Как писать о людях с ограниченными возможностями?

Очень важно внутренне признать такого человека равным по отношению к себе и окружающим.

Важно и соблюдение норм политической корректности по отношению к людям с особенностями. Слово «инвалид», хотя

и принимается большинством как нейтральное, означает все же наличие у человека заболевания или травмы, то есть он приравнивается к больным. Но не все люди с особенностями развития чем-то больны и нуждаются в лечении. Например, человек с синдромом Дауна не болен, он просто другой. Поэтому лучше никогда не говорить о людях с особенностями как о больных.

Если речь идет об инвалидности вследствие болезни, важно помнить, что любое заболевание — это личная тайна человека, на ее публичное упоминание надо просить разрешения. К тому же граница между здоровьем и болезнью часто весьма относительна.

Еще хуже употребление таких слов, как «неполноценный», «калека», «паралитик». С их помощью можно вызвать сочувствие и жалость у аудитории, но самого человека с особенностями они ранят, а не поддерживают.

Русская политически корректная терминология в отношении людей с инвалидностью до сих пор не устоялась, в среде инвалидов тоже присутствуют разные точки зрения на приемлемость употребления тех или иных номинаций. Лучше всегда спросить у того человека, с которым общаетесь и о котором собираетесь писать, как обозначить его статус, как называть.

Подходящих слов на самом деле не так уж мало. Выражения *человек с ограниченными физическими возможностями*, *человек на коляске*, *человек с травмой позвоночника* звучат вполне нейтрально.

РЕКОМЕНДАЦИИ ЖУРНАЛИСТАМ

1. Если вы собираетесь рассказать в СМИ о конкретном человеке с особенностями, следует спросить его согласие на упоминание об ограниченных возможностях. Если согласие получено, все равно избегайте подробностей, в чем этот человек «не такой». Помните, что телесные и психические заболевания и недостатки в принципе являются личным секретом любого человека.

2. Выбирайте во время общения и при создании текста номинации, которые не вызывают жалости или негативных эмоций. Избегайте слов, вводящих жесткое деление на «здоровых» и «больных».

3. Избегайте драматичных метафор, которые могут задеть чувства человека: *«прикован к инвалидной коляске»*, *«жертва полиомиелита»*, *«страдает ДЦП»*.

ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАДАНИЯ

1. Прочтите два текста, посвященных событию, произошедшему в кафе с девушкой с аутизмом и ДЦП. Напишите на их основе небольшую заметку, выразив собственную позицию относительно доступности кафе и ресторанов для людей с особыми потребностями.

Сестру Водяновой с тяжелой формой аутизма выгнали из кафе в Нижнем Новгороде

Случай, когда больного человека просят покинуть ресторан, поскольку своим видом он якобы отпугивает посетителей, увы! — в России не редкость. Но странно даже представить, что в такую ситуацию могла попасть близкая родственница супермодели Натальи Водяновой. Топ-модели, которая много времени и сил тратит на благотворительность и социальные проекты. Тем не менее, 11 августа ее сестру Оксану, присевшую за столик кафе в Нижнем Новгороде, попросили покинуть заведение, поскольку своим видом (а девушка страдает тяжелой формой аутизма и ДЦП) отпугивает клиентов. Попросили в грубой форме.

«Во вторник после обеда Оксана и ее няня прогуливались в парке. Оксана захотела пить, и они зашли в ближайшее кафе. Однако вместо напитка хозяин кафе попросил няню и девушку удалиться из заведения», — рассказали в пресс-службе райотдела полиции.

Также директор заведения вызвал частную охрану, чтобы те помогли гостям выйти из кафе. Няня сообщила о случившемся маме Оксаны — Ларисе Кусакиной. «Та приехала в кафе и между ней и директором произошла ссора, после чего были вызваны сотрудники полиции», — пояснили в пресс-службе.

Женщина попыталась объяснить, что ее дочь может сидеть там, где она хочет, охрана кафе в ответ пригрозила запретить обеих в подвале и вызвать «психушку». В итоге мать Оксаны написала объяснительную в отделении полиции и встречный иск против заведения с таким отвратительным уровнем сервиса и поведением его сотрудников. Тем временем у невольной виновницы скандала Оксаны резко поднялось давление. Девушка расплакалась от обиды.

«Вчерашний скандал, как и ожидалось, обернулся ухудшением самочувствия Оксанки. Она напуганная, притихшая, вздрагивает при каждом громком звуке. Вчера до половины второго ночи уснуть не могла, хотя обычно к этому времени уже крепко спит. Я же вообще всю ночь глаз не сомкнула», — рассказала Лариса Викторовна.

Извинений от сотрудников кафе семья Водяновых не дождалась. Руководство считает, что правда на их стороне.

В настоящее время проводится проверка, результаты которой будут известны в течение 3–10 дней.

Оксана — родная сестра всемирно известной модели Натальи Водяновой, которая родилась и выросла в Нижнем Новгороде. Ее семья — мама и две сестры — проживают в Автозаводском районе города. Младшая сестра Оксана — инвалид с детства, родилась с тяжелой формой аутизма и ДЦП.

Наталья Водянова активно занимается благотворительностью. В 2004 г. основала собственный благотворительный фонд «Обнаженные сердца» («The Naked Heart Foundation»).

(<http://www.kp.ru>)

Не думайте об инвалидах, подумайте о себе

На владельца кафе, который выгнал из заведения сестру Натальи Водяновой Оксану, завели уголовное дело. Режиссер, основатель Центра «Антон тут рядом» Любовь Аркус рассказала «Снобу», почему интеграция людей с особенностями развития в общество полезна для самого общества.

Оксана, ее мама, няня, сестра — семья, которая у всех на виду. История про кафе — это не только про их чувства. История с кафе — это про чувства миллионов особых людей и мам особых детей. В Уголовном кодексе есть такая статья — «оскорбление чести и достоинства», — и я считаю, что ее совершенно необходимо применить в отношении владельца кафе.

Давайте смотреть правде в глаза. Человек состоит из двух начал. Что Евангелие, что «Гарри Поттер» говорят одно и то же — в человеке есть и свет и тьма. И эта тьма — животное начало, которое присутствует в любом: во мне, в вас, в охранниках кафе, в ком угодно. Это темная часть нашей природы. Жизнь дана человеку затем, чтобы он уменьшил в себе эту тьму и вышел к свету — очеловечился. И чтобы таких ситуаций с агрессией и жестокостью не случилось, в обществе должна быть атмосфера, в которой так поступать неприлично, не принято, нельзя — как нельзя бить ребенка, сморкаться в занавеску и ходить в туалет на улице. Человек должен находиться в среде, в которой его информируют о том, какими разными бывают люди. И когда он видит разных людей постоянно — в школе, в детском саду, на работе, на улице, он начинает понимать, что мир устроен по-разному, люди бывают разные и все они имеют право на место под солнцем. Это называется «интеграция» и «инклюзия».

За восемь лет, что я работаю на этом фронте, я вижу огромные подвижки. Но когда я читаю подробности инцидента с Оксаной Водяновой, накатывает страшное отчаяние, и мне кажется, что все усилия

тщетны и бесплодны. Я ежедневно получаю очень много писем от родителей со всех концов страны, которые рассказывают мне дикие истории: про ребенка, которого выгнали с детской площадки, про школу, где должен был быть специальный класс, но родители обычных детей не разрешают его сделать, про детские сады, где родители возражают против того, чтобы их дети видели детей-инвалидов.

Всем им хочется сказать: вы подумайте не о детях-инвалидах, вы подумайте о своих детях, подумайте о себе, потому что ваши дети вырастут, а вы в старости будете совершенно другим человеком. И если они с детства этого не понимают, то для вас все будет очень плохо. Это история не только про мораль и правила приличия, не только про сострадание, она еще и про здравый смысл. И идея о том, что особенных людей нужно изолировать, построив им отдельные детские сады, школы и места для постоянного проживания, — это фашистская идея. Даже если там будут созданы приличные условия, а не концлагерь — это все равно фашистская идея.

(<http://snob.ru>)

2. Прочтите текст. Выделите маркеры интолерантного отношения к главному герою. Как они соотносятся с оценочной позицией автора по отношению к Н. Кобелькову? Исправьте политически некорректные выражения.

Человек с неограниченным потенциалом: как уральский калека стал венским буржуа

Ник Вуйчич сегодня — герой, доказывающий, что человек, лишенный рук и ног, может вести полноценную жизнь, иметь детей и работать. В 19 веке история знала пример Николая Кобелькова, мужчины, который родился без конечностей, но сумел построить карьеру и стать главой многодетной семьи.

История Николая Кобелькова — яркий пример того, чего может добиться целеустремленный человек. В отличие от многих физически неполноценных людей, которые обречены были быть «экспонатами» в программе цирка уродцев, он сумел построить карьеру и наладить собственный бизнес. Почему так произошло? Залогом его успешной жизни стала искренняя любовь и забота со стороны родителей.

Николай был выходцем из обеспеченной и интеллигентной семьи. Он был сыном градоначальника, и имел 16 старших сестер и братьев. Родители приложили максимум усилий к тому, чтобы их сын не чувствовал себя ущемленным. Они обеспечили надлежащий медицинский уход, а спустя несколько лет активно стали развивать мальчика. Когда

в два года он научился самостоятельно ходить на культях, сомнений в том, что он сумеет найти свое место в жизни, не оставалось. Еще будучи ребенком, он заполучил минимум необходимых навыков: орудуя уцелевшей частью правой руки, Николай научился есть и одеваться. Настоящей победой стало то, что мальчик освоил письмо, занимаясь со священником.

В юности Николай совершал, казалось бы, невероятные вещи: он ходил на рыбалку, ездил на охоту и управлял лошадьми, наматывая поводья вокруг затылка. Первым местом работы Николая Кобелькова стали золотые прииски в Оренбургской губернии, он умело вел бухгалтерию и заполнял отчетность. Там-то однажды его встретил Берг, театральный режиссер, который и предложил талантливому мужчине выступать в питерском театре. Согласившись, Николай быстро составил для себя программу выступления, благо, все, что он мог выполнять, было настоящими сложнейшими трюками. Его первые выступления с восторгом были приняты в России, после ему рукоплескала и европейская публика.

Счастливо сложилась и личная жизнь Кобелькова: однажды будучи на гастролях в Вене, он познакомился с 18-летней девушкой Анной, у них возникла взаимная симпатия и молодые решили пожениться. Первая попытка сочетаться браком в австрийской столице не увенчалась успехом, евангелическая церковь наложила запрет на этот союз, но молодые отправились в Будапешт, и здесь уже согласие было получено. В браке у Николая и Анны родилось шестеро детей, все они были полноценными и со временем помогали отцу в выступлениях.

Николай Кобельков был прекрасным менеджером: он выступал с различными трюками, писал картины, которые на месте продавал изумленной публике, показывал акробатические трюки. Был у него заготовлен и леденящий душу номер: Николай Кобельков не боялся заходить в клетку со львом. Когда появился кинематограф, Кобельков находился на гастролях в Америке. Он не преминул воспользоваться благами научно-технического прогресса и снять короткометражный фильм о себе.

Многодетный отец, Николай Кобельков понимал, что должен организовать дело, которое поможет ему содержать семью. Он купил в парижском парке Пратер небольшой участок земли, где стал размещать первые аттракционы. Успех предприятия был очевиден, и со временем этот парк стал разрастаться, и по сей день потомки Кобелькова получают от этого парка весомый доход.

Когда Николаю был 61 год, он потерял жену, Анна скончалась от апоплексического приступа. Сам же Николай в кругу семьи прожил до 82 лет, в Россию он больше не приезжал.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

1. *Николсон П. П.* Толерантность как моральный идеал // Толерантность. Исследования. Переводы. Информация. О книгах / науч. ред. М. Б. Хомяков. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. С. 129–146. (Вестн. Урал. межрегион. ин-та обществ. наук ; 1/2001).

2. Декларация принципов толерантности. Утв. резолюцией 5.61 генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 г. // Толерантность — Гармония в многообразии : [сайт]. URL: <http://www.tolerance.ru/toler-deklaraciya.php>.

3. Федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе» // Толерантность — Гармония в многообразии : [сайт]. URL: <http://www.tolerance.ru/VT-1-2-FCP.php?PrPage=VT>.

4. *Дубин Б.* Нарциссизм как бегство от свободы // Ведомости. 2014. 27 авг.

5. *Ницше Ф.* К генеалогии морали // Полн. собр. соч. : в 13 т. / пер. К. А. Свасьяна. М. : Изд-во «Культурная революция», 2012. Т. 5. С. 229–376.

6. *Локк Дж.* Послание о веротерпимости // Соч. : в 3 т. М. : Мысль, 1988. Т. 3. С. 91–134.

7. Там же.

8. *Милль Дж. С.* О Свободе // Антология мировой либеральной мысли (I половины XX века) / пер. с англ. А. Н. Неведомского. М. : Прогресс-Традиция, 2000. С. 288–392.

9. *Штихве Р.* Амбивалентность, индифферентность и социология чужого // Журн. социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 1. С. 41–53.

10. *Дубин Б.* Три стремления большинства россиян // Ведомости. 2014. 21 авг.

11. *Прохоров Ю. Е., Стернин И. А.* Русские: коммуникативное поведение. М. : Флинта : Наука, 2006.

12. *Фишман М.* Наступление улицы // Ведомости. 2011. 18 нояб.

13. *Бауман З.* Мыслить социологически : учеб. пособие. М. : Аспект-Пресс, 1996.

14. *Дейк Т. А. ван.* Дискурс и власть : репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2014.

15. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М. : КАНОН-пресс-Ц : Кучково поле, 2001.

16. *Луман Н.* Реальность массмедиа. М. : Практис, 2005.

17. *Гидденс Э.* Социология : пер. с англ. / при участии К. Бердсолл. М. : Едиториал УРСС, 2005.

18. Там же.

19. *Локк Дж.* Послание о веротерпимости. С. 91–134.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Основная

Бакулина С. Д. Толерантность. От истории понятия к современным социокультурным смыслам : учеб. пособие / С. Д. Бакулина. М. : Флинта, 2014. 112 с.

Классические и инновационные практики социальной толерантности / под ред. А. Логунова. М. : Ленанд, 2013. 384 с.

Медушевский Н. Основы толерантности и правовой культуры / Н. Медушевский. М. : Ленанд, 2015. 408 с.

Толерантность в СМИ : материалы электрон. учеб.-метод. комплекса / под ред. Э. В. Чепкиной, Л. В. Ениной. Екатеринбург : УрГУ, 2007.

Дополнительная

Бондырева С. Толерантность. Введение в проблему / С. Бондырева, Д. Колесов. М. : МПСИ, МОДЭК, 2011. 240 с.

Дейк Т. А. ван. Когнитивные и речевые стратегии выражения этнических предубеждений / Т. А. ван Дейк // Язык. Познание. Коммуникация : пер. с англ. / сост. В. В. Петрова ; под ред. В. И. Герасимова. М. : Прогресс, 1989.

Диагностика толерантности в средствах массовой информации / под ред. В. К. Мальковой. М. : ИЭАРАН, 2002. 352 с.

Ильинская С. Толерантность / С. Ильинская. М. : Праксис, 2007. 288 с.

Медушевский Н. Толерантность в фокусе региональных трактовок / Н. Медушевский. М. : Ленанд, 2015. 176 с.

Николсон П. Толерантность как моральный идеал / П. Николсон // Толерантность. Вестник УрМИОН. Екатеринбург, 2001.

Политкорректность в СМИ Казахстана: поиск гармонии : сб. статей. Алматы, 2007.

Речевая агрессия и гуманизация общения в СМИ. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1997.

Роль СМИ в достижении социальной толерантности и общественного согласия. Екатеринбург, 2002.

Рыжова С. В. Этническая идентичность в контексте толерантности / С. В. Рыжова. М. : Альфа-М, 2011. 280 с.

Стернин И. А. Коммуникативные аспекты толерантности / И. А. Стернин, К. М. Шилихина. Воронеж, 2000.

Толерантность как основа либерального политического дискурса : антология / под ред. А. Логунова. М. : Ленанд, 2013. 160 с.

Уолцер М. О терпимости / М. Уолцер. М. : Идея-Пресс : Дом интеллектуальной книги, 2000.

Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности : коллект. монография. М., 2005.

Харрис Р. Психология массовых коммуникаций / Р. Харрис. СПб., 2002.

Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия / В. Е. Чернявская. М. : Флинта. 2006. 136 с.

Эгильский Е. Э. Новые религиозные движения. Современные нетрадиционные религии и эзотерические учения : учеб. пособие / Е. Э. Эгильский, А. В. Матецкая, С. И. Самыгин. М. : КНОРУС, 2011. 224 с.

«Язык вражды» и свобода слова: межэтническое и межконфессиональное в российских СМИ как проблемное поле // Профессиональная этика журналиста : рабочие материалы : в 2 ч. / под ред. Ю. В. Казакова. М. : Галерея, 2003.

Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности : коллект. монография. Екатеринбург, 2006.

Учебное издание

Чепкина Элина Владимировна

ПРОБЛЕМЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ
В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ
ИНФОРМАЦИИ

Учебно-методическое пособие

Заведующий редакцией	<i>М. А. Овечкина</i>
Редактор	<i>С. Г. Галинова</i>
Корректор	<i>С. Г. Галинова</i>
Оригинал-макет	<i>Л. А. Хухаревой</i>

План выпуска 2016 г. Подписано в печать 16.12.16.
Формат 60×84^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Уч.-изд. л. 6,2. Усл. печ. л. 6,74. Тираж 100 экз. Заказ 393.
Издательство Уральского университета
620000, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.
Тел.: + (343) 350-56-64, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru

